С первомайским праздником, товарищи!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 52 (3081) Пятница, 1 мая 1953 г. Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

Весеннее (1 стр.).
Рассказы о советских людях: Эльмар Грин. — Самое радостное; **Евг. Федоров.** — Живые родники; **Константин Паустовский.** — Страницы из дневника; **Маргарита Алигер.** — Люся (2 стр.).
Гордон Шаффер. — Май в Англии (3 стр.).
Вл. Дыховичный, М. Слободской. — В парке (3 стр.).
Лю Бай-юй. — Цветы мая (4 стр.).
Мадлен Риффо. — Любовь (4 стр.).
Луис Тарук. — Где-то на острове Лусон... (4 стр.).

Мир и труд

Весенний ветер, овевающий древний Кремль, Красную площадь, доносит сюда равномерное дыхание великого города. Мир и спокойствие разливаются над советской столицей. Праздничная Москва — в кумаче и нежной зелени, умытая первыми вешними грозами нынешнего года. А над нею высоко-высоко майское небо.

Оглянись вокруг, товарищ! Далеко видны затянутые дымкой шпили белокаменного Дворца науки на Ленинских горах, высотных домов на Смоленской площади, у Красных ворот, на Котельнической набережной. Появились целые кварталы новых жилых домов, новые набережные и мосты, скверы и парки, мчатся голубые экспрессы по новым линиям метро.

И куда бы ты ни направил свой шаг, в какой бы край нашей земли ни попал, — всюду перед тобой откроется величественная картина созидательной жизни советского человека — строителя и творца.

Весенние флаги реют над Родиной. Миллионы людей выйдут сегодня на праздничные улицы и площади. Они пройдут по Красной площади и просторному Невскому, по далеким заполярным поселкам и по одетому в зелень каштанов Крещатику, разольются потоком по колхозным селам, которым нет числа. Радиоволны разносят по всей стране радостную перекличку братских республик Советского Союза. Мы узнаём о вдохновенном труде украинцев, белорусов и других советских народов. Мы слышим голоса туркменских колхозниц, заботливо выращивающих хлопок для фабрик Москвы и Иванова. С нами делятся победами грузинские сталевары, которым передали свой опыт уральские металлурги. Родина наша могуча нерушимым союзом рабочего класса и крестьянства, ленинско-сталинской дружбой народов.

Советский народ уверенно смотрит в будущее. Основа этой спокойной, непоколебимой уверенности — выработанная Коммунистической партией и Правительством политика, политика, направленная на дальнейшее усиление могущества нашей страны и непрерывный подъем благосостояния народа. Рабочие, крестьяне и интеллигенция Советского Союза единодушно поддерживают эту политику, как свою близкую и родную политику, активно борются за ее проведение в жизнь. Нерушимое единение Коммунистической партии, Советского правительства и народа — залог непобедимости великого дела коммунизма.

Родина наша — в расцвете творческих сил. Стремительны темпы нашего движения вперед, замечательны масштабы работ, не знающие себе равных в истории человеческого труда. В канун прошлого Первомая газеты сообщали о предпусковом периоде на Цимлянской гидроэлектростанции, а сегодня серебристый самолет над сверкающей лентой Волго-Донского канала приветствует плывущие по нему теплоходы. Разве не замечательной поэмой звучат цифры нашего роста: каждые девять дней советская крупная промышленность производит столько, сколько царская Россия давала за целый год.

Родина наша — весна человечества! Подобно тому, как утренняя заря предвещает радостный восход солнца, а весна открывает дорогу благодатному лету, так наша страна выступает первооткрывателем прогресса и процветания народов.

И во имя этой великой цели вносит каждый советский человек свой вклад. Мы приветствуем в эти дни и магнитогорских сталеваров, которые дали за один месяц почти семьсот скоростных плавок, и творческий коллектив, создавший замечательный фильм «Адмирал Ушаков». Мы гордимся владимирскими текстильщиками, которые изготовили сверх плана миллион метров добротных тканей, и колхозниками Армении, высаживающими в Южном Зангезуре и в предгорье Лори молодые деревца инжира, миндаля, айвы и грецкого ореха. Мы радуемся присвоению ученых степеней туркменкам Гельдыевой и Дурсуновой, и успеху куйбышевского токаря Василия Колесова, у которого сейчас тысячи последователей не только в СССР, но и в Венгрии, Румынии, в народном Китае.

Мы знаем: день ото дня расти нашим успехам в строительстве коммунизма. Мы верим: будет увеличиваться вклад в общенародную стройку и деятелей культуры, самой прогрессивной культуры в мире. Наша наука обогатится новыми выдающимися открытиями. Писатели, художники, композиторы создадут новые произведения, достойные нашего великого народа. И народ ждет от своих писателей глубокого и всестороннего раскрытия в книгах высоких душевных качеств и типичных положительных черт характера советского человека, создания ярких художественных образов.

Прислушайся, товарищ! Ритм наших шагов сливается с ритмом шагов демонстрантов на Маршалковской магистрали Варшавы и Русском бульваре Софии, наши песни перекликаются с песнями, звенящими в чистом воздухе Златой Праги и помолодевшей Тираны, наша радость — это и радость полумиллиардного народа Китая, всех трудящихся стран, сбросивших с себя иго империализма. Сотни, тысячи километров лежат между нами, но мы идем рядом, плечом к плечу, и цель у нас одна, и воля у нас едина.

Огромные, необъятные просторы охватывает ныне лагерь мира, демократии и социализма. Когда на заре в твое окно еще только брызнуло светом с востока, в китайской столице через площадь Тяньаньмынь уже перекатывались праздничные волны демонстрантов, а в ночном небе над Эльбой в это же время полыхали зарницы от мирных домен Германской Демократической Республики.

В тесном братском единении идут вместе с советским народом, с первой «Ударной бригадой», трудящиеся стран народной демократии.

Как старший брат, Советский Союз протягивает народам, вступившим на широкую столбовую дорогу строительства социализма, руку помощи и поддержки. И если краше, чем прежде, встают в народной Польше опаленные войной города, и если тихие еще недавно долины у подножья Балкан поражают ныне своими индустриальными пейзажами, и если золотятся пшеницей раскинувшиеся до горизонта поля сельскохозяйственных кооперативов Фракийской равнины, и если венгерские матери спокойно склоняются над колыбелями своих малюток, то каждый знает — это благодаря бескорыстной поддержке Советской страны.

Мчатся на восток и запад эшелоны с новейшей советской техникой для новостроек стран народной демократии, с тракторами и комбайнами для кооперативных полей. Цехи металлургического гиганта «Новая Гута» у стен древнего Кракова — это детище польско-советской дружбы. Социалистический город Сталинварош и металлургический комбинат имени Сталина у синего Дуная — это детище венгеро-советской дружбы. Первоклассные заводы народного Китая, Димитровград в Болгарии и многое, многое другое — это тоже материальное воплощение братской дружбы свободных народов. Великие идеи пролетарского интернационализма овладели умами сотен миллионов людей.

Прислушайся к гулу в эфире, товарищ! В Нью-Йорке и Париже, на далекой Яве и в Индии, в сражающемся Вьетнаме — повсюду нашел широкий отклик первомайский Призыв Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза — призыв к миру и сотрудничеству народов. Близкие уму и сердцу простого человека слова, преодолевая покрытые вечными снегами горы, пересекая просторы океанов, проникли во все уголки земного шара.

— Да здравствует мир между народами!

Нет такого спорного или нерешенного вопроса, который не мог бы быть разрешен мирным путем на основе взаимной договоренности заинтересованных стран!

Советские люди не хотят, чтобы грозовые тучи войны вновь затмили горизонт. Это от имени советских людей Правительство СССР выступает за быстрейшее заключение справедливого перемирия в Корее, за справедливое решение германской проблемы и других международных вопросов.

Есть на свете Москва! К Москве, к Советскому Союзу устремлены взоры миллионов простых людей, ибо мирная внешняя политика Советского государства понятна и дорога каждому, в ком бьется честное сердце. В Москве, в Советской стране они видят мощный оплот мира и безопасности народов.

...Ликует, празднует весенняя наша Родина. Знаменосец мира, свободы и культуры, Советская страна устремлена вперед. Народ наш во всем полагается на Коммунистическую партию, Советское правительство, у которых нет и не может быть других интересов, кроме интересов трудящихся. Всем сердцем чувствует каждый советский человек, что это — его родная партия, его родное правительство. Коммунистическая партия уверенно ведет нас к сияющим высотам коммунизма.

Посылка из Вьетнама

Посылка пришла из далекого Вьетнама. В ней — две небольшие книжки, почти умещающиеся на ладони. Их легко спрятать в кармане, скрыть в рукаве. Они сверстаны до предела экономно, использован каждый миллиметр бумаги. Книжки легко расшить, и тогда их могут одновременно, по частям, читать несколько человек.

На титульных страницах — автограф президента Хо Ши Мина. Им написано и предисловие, которое начинается словами:

«В первый раз я пишу предисловие для книги, потому что эта книга выходит очень своевременно. Она выходит в свет, когда наш народ усиливает партизанское движение...»

Президент республики обращается к героям-патриотам, ведущим войну в тылу врага, как бы передавая им книжки на вооружение.

Эта борьба на захваченной интервентами вьетнамской земле приняла огромный размах. «Широкое и сплоченное своей организованностью партизанское движение становится в каждом селе, в каждом уезде, в каждой провинции, находящихся в тылу врага, железной стеной, которая не дает врагу возможности вырваться, — пишет далее президент Хо Ши Мин.— Повсюду враг останавливается перед этой стеной. Партизаны разрушают все, что делает враг. Партизаны лишают его зрения, слуха, сковывают его движения. Враг постепенно теряет свою живую силу. Он все время находится в состоянии страха. Он боится даже шороха ветра, даже неожиданного крика птицы, и в конце концов будет уничтожен партизанами».

Свое предисловие президент Хо Ши Мин заканчивает словами: «Опыт партизанского движения, возникшего на временно оккупированной территории Советского Союза, поможет нам в нашей борьбе».

Опыт борьбы советских патриотов в тылу врага в годы Великой Отечественной войны и описан в присланных книжках, содержащих перевод книги А. Федорова «Подпольный обком действует», сделанный писателем Нгиен Ду Кичем.

Книга нашла своего читателя, получила широкое распространение во Вьетнаме. Генеральный секретарь Союза писателей и художников То Хью в письме к А. Федорову сообщает, что опубликование книги в момент повсеместного расширения партизанской войны в тылу врага было с удовлетворением встречено всеми, особенно солдатами, партизанами, рабочими и крестьянами.

За полгода книга выдержала четыре издания. Она разошлась в количестве 60.000 экземпляров, «что считается у нас огромным успехом», — пишет То Хью.

Теперь эти небольшие книжки можно встретить не только на освобожденной от интервентов территории; они давно проникли за линию фронта, в города и села, жители которых ведут героическую борьбу за свободу.

Рис. И. НЕЗНАЙКИНА

ВЕСЕННЕЕ

Николай ГРИБАЧЕВ

Песня

Ночь светла от голубого чада,
По росе — хоть до Днепра плыви.
На Десне опять поют девчата
О весне, о счастье, о любви.

Лунный сад засыпан соловьями,
Не шелохнет серебро листвы.
Млечный путь с размытыми краями
Кажется окраиной Москвы.

Ветви ив к рассвету тяжелеют,
По траве двойной уходит след.
Кто в такую ночь не пожалеет,
Что ему не восемнадцать лет!

Сергей СМИРНОВ

Киевская станция метро

Ждать в беседке,
Тьму сверлить глазами,—
Это примитивно и старо.
Есть у нас
при Киевском вокзале
Киевская станция метро.

Возле телефона-автомата
Юноши, с намеком на усы,
То глядят на встречных виновато,
То бросают взоры на часы.

Со скамьи поднимутся и снова
Сумрачно садятся на скамью.
Я смеюсь, не говоря ни слова,—
По всему
влюбленных узнаю.

Видно, что явились на свиданье,—
То поправят кепки, то вздохнут...
Я и сам пришел без опозданья.
Есть в запасе несколько минут.

Жду и вижу —
истекают сроки,
На условном месте не стою.
Где же ты?!
И вдруг
в людском потоке
Замечаю скромницу
свою.

— Вот и я! —
глаза твои сказали.
Вечер наш.
Москва полна огней.
Станция осталась
при вокзале.
Мы уже не думаем
о ней.

Но мелькнет неделя,
и тогда-то
На открытке
выведет перо:
— Жду тебя!
Такой-то час и дата,
Киевская
станция метро!

Маро МАРКАРЯН

Стихи о любви

О любви рассказать я хотела —
Говорят: это частное дело.
Не согласна! Не стану таить!
Я считаю, любовь — это нить
Между сердцем моим и Отчизной,
Песнь любви — это здравица жизни!
Потому, что в любимом своем
Любим мы и веселый свой дом,
И расцвет нашей родины милой.
Все любовь наша разом вместила.
И, живительной силой сильна,
Нет, не частное дело она,
И не в доме ей петь за стеною —
Песней счастья звенеть над страною!

Помню, в юности ранней моей
Я впервые мечтала о друге,
Что он будет, конечно, сильней
И смелей всех мальчишек в округе.
А потом я мечтала, что он
В песне, в пляске ни с кем не
сравнится,
Понесется, напевом взметен,
Легкокрылый и звонкий, как птица...
Но студенчества срок наступил.
Первокурсница, с этой минуты
Я хотела, чтоб милый мой был
Самым лучшим в стенах института,
Чтоб товарищ, парнишка с огнем,
И профессор, ученый и строгий,
— Молодец! — говорили о нем,—
Будет в жизни примером для многих!..
А еще я мечтала тайком,
Чтобы девушки вечером вешним
Потихоньку вздыхали по нем,
Не решаясь признаться, конечно.
Да еще — чтоб отец мой и мать
Недостатков в нем вдруг не сыскали
(А они мастера их искать,
Им по вкусу придешься едва ли!).
...Так мечталось в весенние дни,
Но давно на дворе уже лето,
Педагоги седеют мои,
И на свете родителей нету.
Не отыщешь, не скличешь подруг;
Двери счастья они отворили...
И теперь ты заменишь мне, друг,
Всех, кто милы и дороги были.
Ты, который всем сердцем любим,
Будешь сильным, талантливым,
смелым,
Самым лучшим, ну, словом, таким,
Как всю жизнь тебя видеть хотела.

Перевела с армянского
Ирина СНЕГОВА

Будет ложью, если вдруг скажу я,
Что счастливой без тебя хожу я,
Что живу спокойно, не заметив,
Есть ты или нет тебя на свете.

Будет ложью, если объявлю я,
Что деревья лишь одни люблю я
И что нет мне никакой заботы,
Что под пышной кроной нет кого-то...

Это в вас, возлюбленные, знаю,
Родины величье и тревоги,
И летят от края и до края
Вами окрыленные дороги.

С вами, о возлюбленные, с вами
Наш прекрасный край еще чудесней,
С вами под родными небесами
Счастьем жизнь наполнена, как
песней!

Перевела
Елена НИКОЛАЕВСКАЯ

Вероника ТУШНОВА

Счастье

К ночи грязь на дорогах звонка и
тверда.
Небо — сине-зеленое, точно вода.
В небе плавает месяц, подобно
блесне...
Я давно не писала стихов о весне!
Не писала стихов о себе, о тебе,
о разлуках, о встречах, о нашей
судьбе.
Помнишь? — В юные годы, в такие
вот дни,
мы побыть не могли друг без друга,
одни:
в одиночестве одолевала нас грусть!
Оглянусь я на прошлое и улыбнусь:
тишина в подмосковном ночном
городке,
и совсем я одна, от тебя вдалеке,
только в сердце моем столько света
сейчас,
столько сказанных, столько
несказанных фраз,
столько радости прошлых и будущих
лет,
что для грусти в нем попросту
площади нет.
Слишком корни у счастья теперь
глубоки,
чтоб апрельские гнули его ветерки!

Евг. ЕВТУШЕНКО

Признание

Ищи любовь.
Ищи,
других не слушая.
Не возлагай надежд
на помощь случая.
Она приходит,
вдохновеньем радуя,
за все,
чем в жизни дышишь ты,—
наградою!
Своим трудом,
любой своей победою
ее ты ищешь,
сам о том не ведая!
Любимая!
Как счастье
и как истина,
ты мной была
немало в жизни искана!
Ты,
как мечта,
моим трудом добытая,
ты,
как земля,
в исканьях
мной открытая!
Пускай
не за признаниями
устными
черты любви
тобою будут
узнаны.
В моем пути,
в труде моем,
в призвании
вся жизнь моя —
тебе
в любви признание!

Лев ОШАНИН

ДОЧЬ

Разутюжила платье и ленты. С платочком —
К материнским духам... И шумит. И поет.
Ничего не поделаешь, выросла дочка —
Комсомольский значок, и шестнадцатый год.

— Ты куда собралась? — Я спросить ее вправе.
— Мама знает,— тряхнула она головой.
Мама — мамой. Но что ж ты со мною лукавишь?
Я ведь, девочка, тоже тебе не чужой!
А Татьяна краснеет. Вовек не забыть ей
То, о чем я сейчас так случайно спросил,
У девчонки сегодня большое событье —
Первый раз ее мальчик в театр пригласил.
Кто такой? Я смотрю мимо глаз ее, на пол.
Парень славный и дельный. Но тихая грусть
Заполняет мне душу.
— Ты сердишься, папа?
— Что ты, дочка. Иди. Я совсем не сержусь.

Белый фартук нарядный надела она.
Звучно хлопнула дверь. Тишина.

Почему же так грустно? Что выросла Таня?
А ведь танина мама,— чей смех по весне
Так же звонок и светел, как в юности ранней,—
Все порой еще девочкой кажется мне.

Долго тянется вечер — секунды заметней.
Я сижу, вспоминая сквозь тысячи дней,
Был ли бережен с тою, шестнадцатилетней,
С полудетскою, с первой любовью моей.

РАССКАЗЫ О СОВЕТСКИХ ЛЮДЯХ

Обо всем можно сказать красиво, но лучше всего—слово о хорошем человеке, песня о хороших людях.

А. М. ГОРЬКИЙ

Самое радостное

Во всех своих делах Николай Михайлович Красильников придерживается строгой последовательности, ценя каждую минуту. Вернувшись с работы, он извлекает из ящика для почты письма и газеты. Сегодня пришло три письма. Одно из них, содержащее благодарность за благополучное излечение, доктор вложил обратно в конверт и отодвинул к противоположному краю стола, а два других оставил под рукой. На них он собирался ответить немедленно.

Первое письмо не потребовало от него много времени. Но второе было к нему не столько как к депутату городского Совета, сколько как к врачу. Пришлось ответить на некоторые специальные вопросы. Кончив писать, он запечатал оба письма и, положив их на видное место, чтобы утром прихватить с собой, встал, проводя неторопливо ладонью назад по светловолосой голове.

Ростом этот человек невысок, но сложен довольно крепко. Возраст, отодвинувший немного назад передний край волос, сделал его высокий лоб еще выше.

Час был поздний, оставалось последнее дело — свежие журналы и книги по медицине. Это было серьезное и длительное чтенье, сопровождавшееся занесением в тетрадь отдельных мыслей и положений, вновь рожденных в мире медицинской науки. Когда-то, еще в студенческие годы, услышал он мудрую китайскую пословицу, гласящую: «Если ты ежедневно не пополняешь свои знания, то потеряешь их». И всю жизнь следовал этому правилу.

Захлопнулась обложка последней книги. Он откинулся на спинку стула и взял в руки уже с другой части стола страницы с текстом, отпечатанным на машинке. Давно доктор лелеет мечту написать труд, в котором отразилась бы вся история развития медицинского обслуживания в Кировском районе города Ленинграда. Но пока еще это отдельные цифры, факты, сопоставления, извлекаемые из повседневной практики, но не обобщенные. Труд очень заманчивый, интересный, но требует времени. А времени не хватает!

***

В больнице Кировского района Николай Михайлович Красильников работает главным врачом. От Кировского же района он избран депутатом Ленинградского горсовета.

— Свой он для нас человек — вот и выбрали,— поясняют жители района всякому, интересующемуся заслугами врача.

И действительно, вся жизнь доктора Красильникова показывает, что корни, которыми он врос в свой район, крепки и глубоки. Мало сказать, что он уроженец Кировского района. Надо к этому еще добавить, что родился он в больнице Путиловского завода, в которой сорок лет подряд работала кухаркой его мать и пятнадцать лет работал санитаром его отец, что он жил и рос в районе Путиловского завода, а когда получил образование, то поступил врачом в ту же самую больницу Путиловского завода, где к нынешнему году проработал вот уже ровно тридцать лет.

Нелегко досталась ему профессия врача. В начальную школу он поступил здесь, у Путиловского. Первые сведения о грамоте были слишком скудны, подстать тогдашнему облику всей Нарвской заставы с ее жалкими лачугами, грязью и нищетой. Но мать сумела устроить его дополнительно в фельдшерскую школу, которую он окончил в 1914 году. Школа эта давала знания в объеме шести классов гимназии. Чтобы сдать экзамен на аттестат зрелости, необходимо было продолжать учебу. А в это время началась первая мировая война. Красильников, несмотря на свои 17 лет, был взят в армию и определен лекарским помощником в военный госпиталь.

Нижнему чину строго-настрого запрещалось заниматься посторонними для службы делами. Приходилось заниматься самообразованием тайком, урывками. Помогали знакомые студенты. И в 1917 году он сдал, наконец, нужный экзамен.

После Великого Октября, служа в Красной Армии, Николай Красильников учился и в 1923 году получил высшее медицинское образование.

Став врачом, он не спрашивал себя, куда итти работать. Конечно, к себе, за Нарвскую заставу. Мать к тому времени вышла на пенсию, и он стал работать в той же больнице, которую она оставила после сорокалетней службы в ней. В 1937 году он был назначен главным врачом той же больницы, а в 1947 году ему присвоили звание заслуженного врача РСФСР.

***

Вчера Николаю Михайловичу пришлось встретиться с очень тяжелым случаем ослабления сердечно-сосудистой деятельности. И хотя он задержался в связи с этим в больнице долее против обычного, а уходя, отдал дежурной сестре все нужные распоряжения, все же тревога не покидала его в течение всей ночи. Сегодня утром Красильников первым долгом поспешил на третий этаж, в палату тяжелобольных. Он с удовлетворением отметил, что ухудшения в состоянии больных за ночь не произошло. Прибывший вчера больной спал глубоким сном, и пульс его не вызывал опасений. Это наполнило радостью сердце врача. Потом он заговорил с одним из больных, чье лицо в это утро было оживлено ощущением пробуждающихся сил.

— Ну как дела, товарищ Муруев? На поправку идем?

— Как будто бы так, Николай Михайлович,— ответил спрошенный.— И пора бы, кажется.

— Не будем спешить,— сказал врач.— Недельки две еще подождем для верности.

— Дело-то не ждет, Николай Михайлович. Нельзя мне лежать. Там у нас пилоставов нет, на тароремонтном заводе. Там каждая пара рук на вес золота, а мои, вот они, без дела пропадают.

И больной шевельнул лежащими поверх одеяла руками.

— Ничего, пусть потерпят еще немного ваши руки. Это в их же интересах. Каждый лишний день, проведенный здесь, пойдет на пользу вашей работе там. Уж вы поверьте нам в этом. Ведь не первый раз встречаемся с вами, насколько я помню?

— Не первый. Это вы верно, Николай Михайлович. До этого в блокаду с водянкой лежал у вас. Эх, было время...

Да, доктор Красильников помнил то время. Еще бы не помнить — фронт оказался в непосредственной близости от больницы. Фактически весь Кировский район превратился в передний край, подвергавшийся систематическому обстрелу.

Красильников подошел в задумчивости к окну палаты. Вот прямо отсюда можно было тогда увидеть гитлеровские батареи. Не раз содрогалось от разрывов снарядов здание больницы... Там вот стоял отдельный деревянный корпус. Он был разрушен снарядами и сгорел дотла. А в тот каменный корпус попали зажигательные снаряды в то время, когда в нем находилось сто больных. И тогда все медицинские работники больницы, забыв о собственной жизни, ринулись спасать людей.

Сколько было таких случаев! Все это вспомнилось сегодня у окна в палате тяжелобольных. И приятно было увидеть из того же окна, как на месте пустырей, созданных войной, протянулись величественные, стройные ряды новых пятиэтажных жилых домов. Их выросло столько,— светлых, красивых и высоких, что больница в их окружении стала выглядеть старомодной и даже невзрачной.

С улыбкой отошел от окна врач, чтобы продолжить свой утренний обход по палатам больницы. Испытания войны закалили и обогатили новым опытом коллектив, руководимый Красильниковым. И сам он вырос вместе с товарищами.

— С хорошим коллективом все можно преодолеть. А наш коллектив особенно сплочен и дружен. Объясняется это тем, что сработались люди. По десять, по двадцать и даже по тридцать лет трудятся у нас некоторые в больнице. А многолетняя дружба — это самое ценное в коллективе.

Вся жизнь Красильникова прошла на виду у кировчан, и вся она без остатка посвящена им. И жители района сумели отблагодарить за это. Уже в 1939 году избрали они Николая Михайловича Красильникова своим депутатом в местный Совет, и с тех пор переизбирали при каждом новом созыве. А он платит им за доверие тем, что откликается на все их нужды, не оставляя без внимания ни одной жалобы, и делает все, что в его силах, чтобы улучшить дело здравоохранения.

Сколько бывает приятных встреч на его пути по району!

Вот рослый пожилой грузчик, с лицом, потемневшим от морозов. У него большая семья, и по сумрачному складу своего характера он редко улыбается. Но сейчас он улыбнулся. Около двух лет назад депутат городского Совета Красильников ходатайствовал об улучшении жилищных условий его семьи. Забота, как видно, не пропала даром.

Вот молодой, круглолицый парень приветливо и громко поздоровался с ним. Он ответил ему, но не вспомнил, когда встречались они с этим парнем. Кажется, это тот, что простудился от нечаянного купанья в осенней ледяной воде. Зато старушку в черном пальто и в коричневом платке он сразу узнал. Для нее он выяснил причину перерыва в выплате ей пенсии — тоже в качестве депутата городского Совета...

***

Ночь. Пора укладываться спать — завтра в шесть утра надо быть на ногах. Николай Михайлович подумал: как много работы! И тут же улыбнулся — ведь это и есть самое радостное в жизни.

Эльмар ГРИН

ЛЕНИНГРАД

ЖИВЫЕ РОДНИКИ

— Если вы не бывали в Купянске, стало быть, вы не знаете, что такое хорошая вода...

Это смелое утверждение мы услышали еще в Харькове. Там же нам впервые рассказали об особенном, самотечном водопроводе, по которому течет особенная родниковая вода.

В самом деле, вода в Купянске хороша! Вкусная, чистая, прозрачная... И водопровод там действительно необычный. Он не имеет насосов, водонапорной башни. Обслуживается одним сторожем и одним слесарем, контролирующим действие системы.

Инициатором постройки этого водопровода выступил 76-летний пенсионер Николай Иванович Клочко, техник по образованию.

Мысль о нем появилась у Клочко в жаркий майский день 1947 года. Зашел он тогда за четыре километра от города, в сторону так называемых Западных ключей, и захотел напиться родниковой воды. О том, что здесь находятся вблизи друг от друга три ключа, что вода в них, по старинному поверью, считается целебной, он знал и раньше, как знали об этом все в Купянске, но бывать возле ключей Клочко не приходилось. А тут пришлось.

Родники давали много воды, и Николай Иванович подумал, что неплохо было бы поставить здесь насосы водопровода, о котором в ту пору мечтал весь город... Долго стоял он, прикидывал, распрямив пригнутую годами могучую спину, сдвинув старую выгоревшую фуражку на бок, как делал раньше, лет пятьдесят назад, и отирая широкой шершавой ладонью высокий лоб, покрывшийся испариной. Не умолкая, журчала вода. Старик вдыхал полевые приятные запахи.

«Провести родниковую воду в дома. Напоить ею родной город? А?!»

С тех пор стали замечать горожане, что начал Николай Иванович с Западных ключей воду в бутылках таскать. Иные смеялись: омолодиться, мол, хочет, должно быть. А старик думал об одном: можно ли провести родники в город?

Было ясно, что удорожание строительства водопровода из-за того, что от родников до города расстояние немалое, надо обосновать серьезно. Не послужат ли таким обоснованием целебные свойства воды? Ведь говорят же в народе...

Засуетился, захлопотал Николай Иванович. И вот анализ, сделанный санитарным врачом города: у воды отличные питьевые качества, но ничего «целебного» в ней не обнаружено... Теперь жители Купянска, рассказывая о своем водопроводе, с удовлетворением замечают, что это не остановило старика Клочко в его стремлении провести родники в дома. Помогла многолетняя техническая сметка — понял Николай Иванович, где убедительный резерв для экономии: родники расположены выше города, а это значит, что водонапорную башню можно строить ниже, и, следовательно, она обойдется дешевле.

Нивелировка, которую Николай Иванович произвел сам, превзошла все ожидания: оказалось, что местность водоносных ключей лежит выше города на 35 метров, поэтому можно строить водопровод вовсе без водонапорной башни и без насосных устройств,— вода в город должна пойти самотеком.

Сотрудники горкомхоза проверили данные Николая Ивановича и полностью подтвердили его выводы. Теперь требовалось только определить так называемый самотечный дебит ключей, т. е. объем воды, поступающей через родниковые скважины, и определить потребности города. Клочко высчитал, что для покрытия потребности города в воде будет достаточно двух ключей. Это Николай Иванович и изложил в докладной записке заведующему городским отделом коммунального хозяйства.

Ясная, простая идея, обстоятельно обоснованная, быстро приобрела горячих сторонников и в Купянском горисполкоме и в Харьковском облисполкоме. Технический проект самотечного водопровода был утвержден, на строительство его облисполком отпустил 270 тысяч рублей. Этих средств должно было хватить на первый год строительства, чтобы, как предполагалось по проекту, довести воду до городской черты.

Однако Купянский горисполком через депутатов вынес на обсуждение жителей предложение: сделать все земляные работы своими силами, а высвободившиеся благодаря этому средства использовать для продолжения магистральных линий в самом городе. Предложение получило одобрение горожан, и работа закипела. Тогда-то все и заметили, что впрямь помолодел Николай Иванович Клочко — оживился, выпрямился, забывать стал о своей сучковатой палке-опоре.

В 1952 году многие дома горожан, некоторые предприятия, учреждения и гостиница Купянска получили родниковую воду. С этим совпали и другие знаменательные события в благоустройстве города. На месте грязной базарной площади раскинулся красивый, обнесенный кирпичной оградой, зеленый сквер с фонтанами, а рынок получил новое, специально для него оборудованное помещение. На улицах появились мостовые и тротуары; улучшились дороги и за пределами города. На месте руин, оставшихся после фашистских захватчиков, выросли новые дома. Построены Дом культуры, летний кинотеатр, готовится к пуску первая очередь теплоэлектростанции. Сто тысяч деревьев и около двухсот тысяч кустарников высажено и выхожено в городе за последние три года.

Миллионы рублей потребовались для реконструкции и благоустройства Купянска. У маленького города, конечно, не может быть такого значительного бюджета. Обычный скромный бюджет городского Совета жители увеличили своей инициативой и своим трудом.

Такова краткая история родников, которые старый пенсионер Николай Иванович Клочко поставил на службу людям. А сколько таких полезных, будничных дел постоянно совершается в больших и малых городах и селах Советской страны! Сколько их, родников народной инициативы!

Евг. ФЕДОРОВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

г. КУПЯНСК,
Харьковской области

Страницы из дневника

Простой случай

Была еще та ранняя весна, когда о приближении тепла можно догадаться только по едва заметным признакам — по туману на московских улицах, по каплям этого тумана, стекающим с черных веток недавно посаженных лип, и по сырому рыхлому ветру. От него оседает и становится ноздреватым снег. Но этот последний признак, пожалуй, к Москве не относится. Снег в Москве к концу марта остается только в некоторых дворах, а на теплом асфальте его уже давно нет. Зиму в Москве собирают машинами-конвейерами на самосвалы и вывозят без остатка за город.

Тот случай, о каком я хочу рассказать, произошел в троллейбусе номер пять.

Москвичи, как известно, в троллейбусах и автобусах разговаривают мало, а больше читают. И в том троллейбусе номер пять, который отошел от остановки на Театральном проезде, тоже было обычное настроение. Но вдруг кондукторша крикнула:

— Погодите! Что же это такое?

— Это грач,— испуганно сказала девочка лет восьми.

Грач сидел, угревшись, под пальто на груди у девочки и только на минуту высунул из-под пальто свой нос. Но этого было достаточно, чтобы бдительная кондукторша заметила в троллейбусе птицу, запрещенную к перевозке.

— Если его нельзя везти, так я слезу, — сказала девочка и покраснела до слез.

— Что ты, дочка! — воскликнула кондукторша, перестала давать билеты и протиснулась к девочке.— Сиди, не беспокойся. Ой, какая птаха хорошая! Что это? Неужели, грач?

Грач осмелел и выглянул. Кондукторша осторожно погладила его пальцем по точеной голове и засмеялась.

— Не бойтесь, он не кусается,— сказала девочка и вся засияла.— Он очень серьезный, но добрый.

— Какой же это грач, — сказал старик с картонной папкой, — когда это скворец.

— А вы, гражданин, если не знаете облика птиц, так не утверждайте, — ответил пожилой человек в форме железнодорожника.

— Где нам в Москве знать про птиц,— вздохнула старушка в платке.— Нам что грач, что скворец, что воробей или стриж — все равно.

Пассажиры начали вставать, тесниться около девочки. Каждый пытался погладить грача. Грач гладить себя давал, но посматривал на всех презрительно и высокомерно.

Сквозь толпу с трудом продирался от выходной двери назад плотный суровый генерал.

— Куда это вы, товарищ генерал,— заметил худой юноша без кепки, — против течения?

— А я к грачу, молодой человек,—ответил генерал и повторил внушительным голосом:— К гра-чу!

Генерал протискался к девочке, взял у нее грача, подержал его на ладони, как бы взвешивая, возвратил девочке и сказал:

— Куда же ты его везешь?

— В Зоопарк. Там я его выпущу.

— У нас на реке Сейме,— неожиданно сказал молоденький лейтенант и почтительно посмотрел на генерала,— настоящее пернатое царство. Грач, конечно, птица умная и самостоятельная, но голоса у нее нет. А у нас — соловьи. Мировые соловьи. Весной наш край по ночам весь звенит.

— Вы про профессора Мантейфеля слышали?—спросил генерал лейтенанта.

— Так точно, слышал, товарищ генерал!

— Каждую птичью повадку знает. И может объяснить. Ну, а насчет всяких колен, пересвистов, перезвонов, трелей, чохов и всей прочей птичьей музыки нет такого другого знатока и любителя в Советском Союзе. Просто волшебный старик!

— Вы здесь сходите,— спросила генерала молодая женщина со смеющимися глазами,— или остаетесь?

— Я на следующей остановке сойду,— ответил генерал, нисколько не смущаясь вопросом молодой женщины. — Подумаешь, важность,— пройти два квартала обратно. Я, знаете, был свидетелем удивительной одной истории. Под Ленинградом во время войны. Весной это было. Прилетели скворцы и вьются, кричат над своими скворешнями. А скворешни, как на грех, в пустой полосе между нами и фашистами. Так те открыли по скворцам огонь из автоматов. Их, видите ли, беспокоил крик скворцов. Нервные попались молодчики. Тогда не выдержало у наших сердце. «Ах так!»

И открыли наши бойцы по фрицам такой огонь, что те мигом затихли.

— Вступились, значит, за скворцов, — сказала кондукторша. — Так я и подумала, как только вы начали рассказывать, товарищ генерал.

— А как же! Ведь скворец с древних времен сопутствует русскому человеку.

— Кондуктор! — крикнул сердитый голос. — Почему не даете билетов?

— Сейчас,— ответила недовольно кондукторша. Она все еще стояла около девочки и гладила грача по голове.— Сердца никакого нет у людей!

— А вы потише, гражданин, — сказала старушка недовольному пассажиру.

— Весна, значит, скоро,— вздохнул железнодорожник.— Черемуха зацветет, и воздух будет легкий. И полетят птицы над Россией, понесут свои песни. Как ни говорите,.а что ни год, то веселее на сердце.

— Ну, мне все-таки пора выходить,— сказал генерал.— До свидания, товарищи.

Все попрощались с генералом. Он вышел, чему-то улыбаясь, и так, улыбаясь, и пошел по улице к давно пропущенной остановке.

А пассажиры еще долго говорили о граче — предвестнике весны, о картине Саврасова «Грачи прилетели», о том, что Москва постепенно превращается в сад, где будет привольно всякой птице, и скоро весь город будет с утра до ночи звенеть от радостного птичьего пения.

— Как это удивительно у нас получается,— сказал старик с картонной папкой.— Правительство наше заботится о благе людей, а от этого блага, глядишь, и перепадет кое-что даже певчим птахам.

— Так и должно получаться,— убежденно ответил худой юноша без кепки.— От хороших дел столько последствий больших и малых, что предугадать невозможно.

— Истинно так! — сказала старушка в платке.— Я это по себе знаю.

Но тут уже начинается другая история, которую я расскажу как-нибудь позже.

◇

Приточная трава

Прошлым летом я возвращался с Борового озера к себе в деревню. Дорога шла по просеке в сосновом лесу. Все вокруг заросло пахучими от летней сухости травами.

Особенно много колосистой травы и цветов росло около старых пней. Трухлявые эти пни разваливались от легкого толчка ногой. Тогда взлетала темным облаком коричневая, как размолотый кофе, пыль, и в открывшихся внутри пня запутанных и таинственных ходах, проточенных короедами, начинали суетиться крылатые муравьи, жужелицы и плоские черные жуки в красных погонах, похожие на военных музыкантов. Недаром этих жуков звали «солдатиками».

Потом из норы под пнем вылезал заспанный — черный с золотом — шмель и, гудя, как самолет, взлетал, норовя щелкнуть с размаху в лоб разрушителя.

Кучевые облака громоздились в небе. Они были на взгляд такие тугие, что можно было, очевидно, лежать на их ослепительных белых громадах и смотреть оттуда на приветливую землю с ее лесами, просеками, полянами, цветущей рожью, поблескиваньем тихой воды и пестрыми стадами.

На поляне около лесной опушки я увидел синие цветы. Они жались друг к другу. Заросли их были похожи на маленькие озера с густой синей водой.

Я нарвал большой букет этих цветов. Когда я встряхивал его, в цветах погромыхивали созревшие семена.

Цветы были незнакомые, похожие на колокольчики. Но у колокольчиков чашечка всегда склоняется к земле, а у этих неизвестных цветов сухие чашечки стояли, вытянувшись вверх.

Дорога вышла из леса в поля. Невидимые жаворонки тотчас запели над рожью. Впечатление было такое, будто они перебрасывали друг другу стеклянную нитку. Они то роняли ее, то тут же на лету подхватывали, и дрожащий ее звон не затихал ни на минуту.

На полевой дороге мне попались навстречу две деревенские девушки. Они шли, должно быть, издалека. Пыльные туфли, связанные тесемками, висели у них через плечо. Они о чем-то болтали, смеялись, но, увидев меня, тотчас замолкли, торопливо поправили под платочками светлые волосы и сердито поджали губы.

Почему-то всегда бывает обидно, когда вот такие загорелые, сероглазые и смешливые девушки, увидев тебя, сразу же напускают на себя суровость. И еще обиднее, когда, разминувшись с ними, услышишь за спиной сдержанный смех.

Я уже был готов обидеться, но, поровнявшись со мной, девушки остановились, и обе сразу улыбнулись мне так застенчиво и легко, что я даже растерялся. Что может быть лучше этой неожиданной девичьей улыбки на глухой полевой дороге, когда в синей глубине глаз вдруг появляется влажный ласковый блеск и ты стоишь, удивленный, будто перед тобой сразу расцвел всеми своими сияющими цветами, весь в брызгах и пахучей прелести, куст жимолости или боярышника?

— Спасибо вам, — сказали мне девушки.

— За что?

— За то, что вы нам повстречались с этими цветами.

Девушки вдруг бросились бежать, но на бегу несколько раз оглядывались и, смеясь, ласково кричали мне одни и те же слова:

— Спасибо вам! Спасибо!

Я решил, что девушки развеселились и шутят надо мной. Но в этом маленьком случае на полевой дороге все же было что-то таинственное, удивительное, чего я не мог понять.

На околице деревни мне встретилась торопливая чистенькая старушка. Она тащила на веревке дымчатую козу. Увидев меня, старушка остановилась, всплеснула руками, выпустила козу и запела:

— Ой, милок! И до чего ж это чудесно, что ты мне встрелся на пути. Уж и не знаю, как мне тебя благодарить.

— За что же меня благодарить, бабушка? — спросил я.

— Ишь, притворенный, — ответила старушка и хитро покачала головой. — Уж будто ты и не знаешь! Сказать этого я тебе не могу, нельзя говорить. Ты иди своей дорогой и не торопись, чтобы тебе встрелось побольше людей.

Только в деревне загадка, наконец, разъяснилась. Раскрыл ее мне председатель сельсовета Иван Карпович — человек строгий и деловой, но имевший склонность к краеведению и историческим изысканиям, как он выражался, «в масштабах своего района».

— Это вы нашли редкий цветок, — сказал он мне. — Называется «приточная трава». Есть такое поверье — да вот, не знаю, стоит ли его разоблачать? — будто этот цветок приносит девушкам счастливую любовь, а пожилым людям — спокойную старость. И вообще — счастье.

Иван Карпович засмеялся:

— Вот и мне вы попались навстречу с «приточной травой». Пожалуй, будет и мне удача в моей работе. Надо думать, шоссейную дорогу из области к себе мы в этом году закончим. И соберем первый урожай проса. До сего времени его здесь не сеяли.

Он помолчал, улыбнулся каким-то своим мыслям и добавил:

— А за девушек я рад. Это хорошие девушки, лучшие наши огородницы. Счастье, оно, знаете, коренится в работе. И в процветании нашей земли.

Константин ПАУСТОВСКИЙ

ЛЮСЯ

Маргарита АЛИГЕР

Из книги «Ленинские горы»

Третьи сутки дождь на белом свете.

...После лекции на Моховой
Люся съела булочку в буфете,
позвонила второпях домой:
— Бабушка, не жди меня к обеду!
Очень поздно, я на стройку еду.
Ничего особенного нет...
Я же в ботах, что за разговоры!

Остановка Ленинские горы.
Новый люсин Университет.

Торопясь, волнуясь, хорошея,
Люся шла к нему, не чуя ног.

От ворот взяла она левее,
повернула в третий городок.
Чуть сойдя с асфальтовой дороги,
угодила в грязь.
Какая страсть!
Месиво! Болото! Вязнут ноги.
Только б не споткнуться, не упасть.
Ботики полны холодной жижи.
Верная простуда... Леший с ней!

С каждым шагом Люся к цели ближе,
с каждым шагом Люсе все страшней.
Знать бы наперед — какие люди...
Как она войдет? С чего начнет?
Вдруг она собьется, все забудет,
слов простых и нужных не найдет?
Очень страшно.
Не ходить?!
А надо.
Дождь и слякоть... И дворца-то нет...
Люся оглянулась... С нею рядом
возвышался Университет.
Он светился.
Показалось Люсе,
будто он давал ей знак: иди,
не оглядываясь и не труся,
для тебя я всюду впереди!
Нам с тобой еще делить годами
общие тревоги и труды...

У крыльца шумит поток воды.
И между огромными следами
маленькие люсины следы.
Приоткрыта дверь в конце барака.
Восемь коек, восемь шоферов.
Двое спят, умаялись,
однако
радио грохочет, будь здоров!

Ранний вечер. Собрались ребята.
Видимо, погода виновата.
Пишут письма, режутся в «козла»,
курят, спорят...
Люся-агитатор
постучалась в двери и вошла.
В первый раз.
И сразу оробела.
Люди наработались с утра...
Агитатор? Раз такое дело,
окружили Люсю шофера.
Озорные парни, забияки,
на подбор ребята. Молодежь!
Все равно ведь дождь, сиди в бараке.
Можно и послушать, отчего ж?

Сели, закурили папиросы.
Можно будет задавать вопросы
с подковыркой,
время провести...
Агитатор щупленький, курносый,
ростом мал, неплохо б подрасти.

Люся сходу вынула тетрадку,
две брошюры, несколько газет,
и заговорила по порядку,—
ничего особенного нет!—
пряча робость за газетной фразой,
кашляя от дыма папирос.

Вдруг вмешался парень черномазый:
— Извиняюсь, есть один вопрос.
Так сказать о нашем личном деле.
Если можно...—
Парни загалдели,
парни закусили удила:
— Мы газеты прочитаем сами,
как со сверхурочными часами?
С премиями тоже, как дела?
Почему задержана зарплата?
Почему срываем план опять?

И сидела Люся виновато,
красная, не зная, что сказать,
маленькая, с мокрыми ногами,
не студентка, школьница скорей,
и, как в детстве, к бабушке и к маме
на секунду захотелось ей.
Нет уж, брат!
Ни от чего на свете,
прятаться нельзя. Гляди в упор!
Надо разобраться. Кто в ответе?
Что же в комсомольском комитете
ничего не знают до сих пор?

Самый старший глянул, все заметил,
выручил, вмешался в разговор.
С бузотерами переглянулся,
дескать, пошумели и конец,
и спросил:
она с какого курса?
Где живет, и есть ли мать — отец?

И, ломая уголок тетради,
Люся отвечала, как зачет:
с матерью и с бабушкой живет,
а отца убили в Сталинграде.
С этой осени на биофаке
первый год... Закончила она
еле слышно...
Но уже в бараке
ясная стояла тишина.
Смолкли, призадумались ребята.
И сидела Люся среди них,
младшая сестренка, дочь солдата,
худенькая, в ботиках худых.

Их сушили на электроплитке.
Ты сиди, девчушка, не скучай!
Заглянули в чайник,—больно жидкий.
Тут же заварили свежий чай.
Бутерброды, пряники и сушки,
сбегали, из чайной принесли,
и для гостьи вместо медной кружки
тоненькую чашечку нашли.
Хорошо! Какая там простуда!
...Угощали Люсю вперебой,
рассказали Люсе, кто откуда,
звали на строительство с собой.
Пусть она посмотрит все работы.
В высоту растем, врагам на страх!
Мы тут старожилы, патриоты,
первые на Ленинских горах.
С первой, понимаешь ли, лопаты.
Ох же и досталось в первый год!
Ну, а что до премий, до зарплаты,—
сами мы во многом виноваты.
Говоря по совести, ребята,
кто работает — свое возьмет.
Если что идет еще не гладко, —
стройка ведь какая! В первый раз! —
если в чем и нет еще порядка,
это ведь зависит и от нас.
Приезжай сюда во время смены,
приглядись, пройдись по этажам...

И сказала Люся:
—Непременно!
Да и вы заехали бы к нам.
Теснота у нас, сказать по чести.
Задыхаемся на Моховой.
Только и мечта о переезде.
Приезжайте. Мы походим вместе...
А сегодня мне пора домой.

Натянули парни сапожища,
проводили Люсю, где почище,
по мосткам, за банями, в обход.
Люся шла и бойко грязь месила,
новая и радостная сила
весело несла ее вперед.

Падал дождь, и дули ветры с юга,
и весною пахло от земли.
Два надежных, два хороших друга
девочку к троллейбусу вели.

И стоял за пеленой летучей
стройный, многобашенный, могучий,
новый люсин Университет.
И мерцал, далеко видный с кручи,
трудовой московский мирный свет.
Люся шла, и было с нею рядом
все, за что на битву выходил,
все, что отстоял под Сталинградом
люсин папа, младший командир.

МОЕ ДЕТСТВО

Недавно в редакцию «Литературной газеты» пришло письмо из Китая, из города Чанша. «Дорогие советские товарищи!» — так начиналось это письмо. Автор письма, пятнадцатилетний Янь Нун рассказывает о том, что он четыре раза смотрел советский фильм «Незабываемый 1919-й», и о том, как популярен в Китае — и на заводах и в школах — лозунг «Учиться у Советского Союза», и о том, какие поются в Китае народные песни о Сталине, о Советском Союзе.

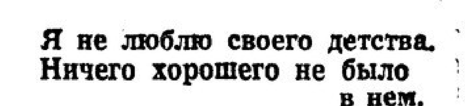
В письмо был вложен фотоснимок (см. справа) с изображением семьи Янь Нуна (стоит с маленьким ребенком на руках).

Янь Нун прислал также номер выходящего в Пекине журнала «Новое обозрение». В № 19 журнала за 1952 год напечатано стихотворение, которому предпослано краткое вступление:

> *«Янь Нун, написавший это стихотворение, в настоящее время учится в средней школе города Чанша (провинция Хунань). Из стихотворения видно, что автору всего 15 лет. На черновике написано: «Это стихотворение я написал своими кровью и слезами, я хочу в нем выразить любовь и ненависть наших ребят». К черновику было приложено обязательство, в котором сказано: «Обязуюсь учиться так, чтобы стать достойным учеником председателя Мао Цзэ-дуна».*
>
> *Издатель журнала «Новое обозрение».*

Со всех концов Китая — из Чунцина, из Шанхая, из Пекина — Янь Нуну шлют письма рабочие и крестьяне, учащиеся и студенты, бойцы Народно-освободительной армии и флота. Они пишут, что в стихотворении правдиво изображена жизнь простого народа в старом Китае.

Стихотворение Янь Нуна — свидетельство пробуждения талантов, ранее скрытых, погребенных, оставшихся безвестными. Нет такой силы на свете, которая могла бы повернуть пятисотмиллионный китайский народ вспять. Те страшные условия жизни, о которых рассказано в волнующем человеческом документе — стихотворении китайского мальчика Янь Нуна,— не вернутся никогда!

**Я не люблю своего детства.
Ничего хорошего не было
в нем.**

**Лет пятнадцать назад,
в зимний вечер,
Выл свирепо северный ветер.
В соломенной хижине —
Это очень редко бывало —
Масляный теплился огонек.
Он освещал худую женщину,
Она стонала
На кровати из старых досок.
У кровати стояли
Мужчина
И четверо
Малышей, как щепки, худых.
Они смотрели на женщину
Так,
Словно она
Накликала горе на них.
«Уа», — прозвучало вдруг,
На свет появился ребенок.
Крик был жалок и тонок,
Словно горло сдавили младенцу.**

**Еще не смолк
первый крик ребенка,
А его
Хотели, словно котенка,
В воду — вниз головой.
Мужчина сказал:
«Ничего не поделаешь!»**

**Крик, потом стон.
Это женщина поднялась
И схватила мужчину за руки.
Так, к счастью, я был спасен.**

**Аренду помещику не внесли —
Семь даней зерна,
и тех у родителей нет.
Продали сестренку пяти лет.
Не во что было укутать брата,
Родившегося зимой,
Он умер от холода на сквозняке.**

**Старшего брата шестнадцати лет
Забирали в солдаты,
Но он не хотел быть солдатом
И отрубил указательный палец
на правой руке.
«Неважно, пусть будет меньше одним!»
Злее волка
Пришел за ним
Начальник с веревкой.
Цзэ, цзэ, цзэ...
Брат, закрыв глаза,
Отрубил остальные четыре пальца
И перестал считать:
Упал в обморок, и упала мать.
На призывном пункте очнулся он.
А младший брат, когда был рожден,
Не был спасен.**

**Какая разница —
умереть или быть спасенным?!
Было мне отроду несколько дней,
А давали мне пищу из отрубей,
Потому что мать моя
пошла в кормилицы —
Выкармливать маленьких богачей.
После —
Кора деревьев и белая глина
Были лучшей пищей моей.
Я был одет
В одежду, которую предки носили
В течение ста пятидесяти лет.
Я жил, как щенок, да и то ему,
Если жил он в богатом дому,
Лучше было намного.**

**С трудом дошел до шести лет я,
По справедливости в школу пора
поступать.
Но не про нас справедливость эта,
Ее нельзя применять к беднякам.**

**С шести
Стал я скот для богатых пасти.
Я пасу коров,
А хозяин, как на скотину,
Глядит на меня без слов.
Свирепый был человек!
Чуть пораньше вернешься, и вот
На моей голове под руками хозяина
Бугор за бугром растет.
Чуть попозже вернешься, и вот
На моей голове под руками хозяина
Снова бугор за бугром растет.
Не наелись коровы —
Ну, конечно, мне причитается...
Наелись коровы —
Нужно всыпать мне, как полагается.
Этих вот «как полагается» —
Тьма.
И мастер считать,
Количество их подсчитывая,
Сошел бы с ума.**

**Когда мне стукнуло семь,—
помню я,—
Стая диких зверей пришла в Шаоян.
Это были войска самураев.
Богачи еще более стали жестокими,
А карманы их —
Еще более широкими.
То было время, когда
Лучшая моя еда —
Белая глина и древесная кора —
Не попадали в мой рот.
То была пора,
Когда мои уши слышали
Возгласы, обращенные к свиньям.
То было время суровое,
Когда мои глаза
Видели пламя багровое,
Оно пожирало гнилые хижины,
Наши поля были выжжены,
А хоромы богатых —
Попрежнему возвышались они.
То были дни,
Когда глаза мои видели трупы детей,
Уши мои слышали крики детей,
Зовущих своих матерей,
Которые к ним не вернутся
никогда.**

**Каждую минуту мой маленький живот
Могли пронзить кинжалом.
Как-то раз на меня напала
Стая этих диких зверей.
Я закричал и потерял сознанье.
Очнувшись, почувствовал,
что лишился уха.
Ребенок, ребенок, бедный ребенок!
Разве дети бедных должны
так страдать?
Разве, говоря по справедливости,
Слово «справедливость»
надо так понимать?
Нет!
Мао Цзэ-дун дал веский ответ
На вопрос, который века
Сидел в голове бедняка.
Мао Цзэ-дун дал веский ответ:
Нет!
Год тысяча девятьсот сорок девятый—
Это тысяча девятьсот сорок девятый
год.
И вот —
Освобожден наш Шаоян.
Председатель Мао Цзэ-дун —
Родней этого имени не видел свет,
Ласковей этого имени нет.
Он сделал так, что отныне меня
Никто не приравняет к корове,
Пасущейся на траве.
Он сделал так, что у меня
Больше не будет рубцов на голове.
Он сделал так, что теперь из меня,
Как из дерева тун, масло не жмут.
Он сделал так, что меня,
Как товар дешевый, не продадут.
Он сделал так, что мое уцелевшее ухо
Не будет отрублено никогда.
Председатель Мао Цзэ-дун —
Он слову «справедливость»
вернул навсегда
Его истинное значение.
Теперь я могу учиться
Там, где раньше не мог учиться.
Председатель Мао Цзэ-дун —
Он сделал так, что маленький
брат мой,
Братья тысяч других людей
Не будут знать детства такого,
Как детство мое.**

Перевел Л. ОЗЕРОВ

МАЙ В АНГЛИИ

Гордон ШАФФЕР,
председатель исполкома
Английского комитета защиты мира

Для английского движения защиты мира май будет месяцем нового подъема. Через две недели в городе Манчестере, в помещении «Холла свободной торговли», намечено провести Конгресс действий в защиту мира. Этот Конгресс явится величайшей демонстрацией борьбы за мир в истории Англии, следующим шагом в кампании, развернувшейся после Венского Конгресса.

Напомню, что в Вене Англия была представлена 157 делегатами. Многие из этих мужчин и женщин раньше совсем не были связаны с движением борьбы за мир. Они были избраны делегатами Конгресса на собраниях профсоюзных организаций, членов лейбористской партии, пацифистских организаций, христианских групп и т. д. Эти люди принадлежали к самым широким слоям нашего народа. Благодаря энтузиазму, вызванному кампанией подготовки к Венскому Конгрессу, нам удалось собрать необходимые средства для оплаты проезда и других расходов наших делегатов.

Право-лейбористские лидеры заявляли, что поддержка этого Конгресса несовместима с пребыванием в лейбористской партии. И они, как уже известно читателю, исполнили свою угрозу. Лейбористское руководство исключало из партии даже старейших ее членов за участие в Венском Конгрессе. Однако реакционерам не удалось ослабить всеобщего энтузиазма, и ни один из избранных делегатов не отказал Конгрессу в своей поддержке. Сотни митингов, организованных во всех уголках страны, направляли через наших делегатов приветственные послания Венскому Конгрессу. Несмотря на бойкот, проводимый прессой и радио, тексты этих посланий дошли до десятков тысяч людей.

Теперь английское движение борьбы за мир готовится к следующему этапу. Мы прилагаем все усилия к тому, чтобы Манчестерский Конгресс стал подлинным собранием представителей всего английского народа. «Холл свободной торговли» является одним из самых замечательных исторических мест Англии. Английские государственные деятели прошлого века не раз выступали с речами в этом здании. Одна из наших наиболее популярных поговорок гласит: «О чем Манчестер думает сегодня, вся Англия будет думать завтра». В мае мы намерены доказать справедливость этой поговорки.

Показательно, что Джэймс Фиггинс, давний член генсовета Британского конгресса тред-юнионов, присоединился к движению борьбы за мир, после того, как он ушел с поста генерального секретаря профсоюза железнодорожников и перестал быть их представителем в Британском конгрессе тред-юнионов. Ему поручено открыть Конгресс. В числе деятелей, поддерживающих Конгресс, имеются профсоюзные лидеры, ученые, члены квакерского «Общества друзей», священники, учителя и множество других мужчин и женщин. Призыв об участии в Конгрессе был обращен ко всем слоям нашего народа.

Английский комитет защиты мира подчеркнул в этом призыве, что целью Конгресса «является обеспечить встречу 1.500 представителей всех взглядов и верований». Дискуссия, говорилось далее в призыве, будет посвящена изысканию согласованных форм действий, которые смогут обеспечить Англии активную роль в деле установления мира во всем мире и улучшения отношений между народами. Таким образом, Конгресс положит начало мощному усилению кампании борьбы за мир в Англии. Конгресс открыт для представителей всех организаций, групп, мнений и верований. Участие в Конгрессе не обязывает поддерживать Английский комитет защиты мира, выступающий инициатором Конгресса, или какую-либо другую организацию. В Манчестере будут обсуждаться практические шаги, которые можно предпринять в интересах дела мира.

В Англии имеется немало организаций, работающих в интересах дела мира, причем их взгляды в прошлом не всегда совпадали. «Союз залога мира», стоявший до сих пор на позициях чистого пацифизма, оставался в стороне от широкого движения борьбы за мир. Организаторы Конгресса обратились с особым призывом к этому союзу, и, хотя он пока еще не заявил о своей официальной поддержке Конгресса, некоторые из его наиболее видных деятелей поедут в Манчестер.

Многие общественные организации признают, что в нынешней обстановке следует оставить в стороне разногласия. Никто не угрожает Англии. Главная задача представителей разных направлений состоит в том, чтобы не допустить превращения нашего маленького острова в «непотопляемый авианосец».

Национальный совет мира, официально поддерживаемый лейбористской партией, в прошлом обычно выступал в защиту решений большинства в Организации Объединенных Наций, совершенно не считаясь с методами, при помощи которых Соединенные Штаты получали это автоматическое большинство. Наряду с этим имеется организация «Совет мира с Китаем». Требуя прекращения войны в Корее и принятия Китайской Народной Республики в Организацию Объединенных Наций, «Совет мира с Китаем» неправильно, с моей точки зрения, трактует причины возникновения корейской войны. Вместе с тем рядовые члены этих организаций искренне трудятся для дела мира. При нынешнем международном положении разногласия, как бы важны они ни были, не исключают сотрудничества, и члены этих обеих организаций будут встречены на Манчестерском Конгрессе как желанные его участники.

«Общество друзей» не примет официального участия в Конгрессе, но некоторые из его ведущих членов будут присутствовать в Манчестере. То же самое относится и к различным церквам. Многие видные представители церквей прибудут на Конгресс.

Различные профессиональные группы сторонников мира — учителя, музыканты, художники и т. д. — также пришлют своих представителей на Конгресс. Это относится и к организации «Движение бывших военнослужащих — сторонников мира», которая немало сделала для разъяснения английскому народу опасности, связанной с перевооружением Западной Германии.

Многие профсоюзы уже избрали своих делегатов. В Манчестере будут представлены шахтеры, железнодорожники, государственные служащие и другие трудящиеся.

На Конгрессе будут представлены все комитеты борьбы за мир Англии, Уэльса и Шотландии. 600 делегатов Лондона и соседних графств предполагают отправиться в Манчестер в специальном «поезде мира».

Не только организации могут послать своих представителей на Конгресс. Любая группа мужчин и женщин в мастерской, на фабрике, в конторе, в доме имеет право избрать своего делегата.

На конференции в защиту мира, состоявшейся недавно в Лондоне, один из делегатов рассказывал, что он убедил почти всех жителей своей улицы подписаться под письмом, адресованным депутату парламента. В этом письме содержалось требование прекращения войны в Корее. В результате проведенной работы возникла постоянная группа защиты мира.

В числе различных проблем в Манчестере намечено обсудить важный вопрос об организации массового движения в поддержку инициативы Комиссии Венского Конгресса, обратившейся к пяти великим державам с предложением подписать Пакт Мира.

Предполагается также провести так называемую кампанию депутаций. Речь идет о посылке депутаций от каждого избирательного округа к соответствующим членам парламента. Рабочие изберут делегатов для посылки к предпринимателям и к лидерам своих профсоюзов. Мы призываем также церковные советы побудить священников действовать в защиту мира. Члены всех политических партий — консервативной, либеральной, лейбористской, коммунистической — будут призваны объединить свои усилия в борьбе за мир. Мы сделаем все, чтобы создать широкое национальное движение, ибо вопрос о мире не может быть делом какой-либо одной части английского народа. Даже в кругах, относящихся наиболее враждебно к социально-экономической системе социалистических стран, растет понимание угрозы вовлечения Англии в атомную войну.

Многие английские бизнесмены горько сожалеют о том, что им запрещено торговать с Советским Союзом, Китаем и странами народной демократии. В числе противников перевооружения Западной Германии теперь имеется немало консерваторов, равно как и лейбористов. Отнюдь не будет преувеличением сказать, что большинство английского народа ничего так не хочет, как избавиться от американского нажима.

Но именно потому, что движение за мир охватывает в настоящее время широкие слои народа, борьба становится все более ожесточенной. Руководство лейбористской партии, конгресса тред-юнионов и кооперативного движения усиливает свои нападки на всех, кто выступает за мир и дружбу между народами. Недавно в Англию вернулись англичане, которые были интернированы в Корее. Все они, штатские люди, заявили, что с ними там хорошо обращались. И несмотря на это, некоторые газеты начали измышлять страшные фантастические истории по этому поводу. Поневоле кажется, что эти истории сочиняют журналисты, желающие показать своим читателям, насколько глупа подобная пропаганда. Однако замалчивание, искажение событий, происходящих в мире, отнюдь не вызывает смеха.

Если бы весь английский народ знал подлинные факты о международном положении, если бы он знал, например, о том, как быстро в Западной Германии начали поднимать голову нацистские генералы и промышленники, то число тех, кто решительно требует решения вопроса о создании миролюбивой, единой, демократической Германии, быстро бы возросло. Если бы весь английский народ знал об остервенении, с которым горстка воротил, неслыханно наживающихся на войне, старается подорвать движение борьбы за мир, то он уже настоял бы на том, чтобы Англия решительно выступила в пользу положительных действий по укреплению мира.

Самым опасным оружием в руках врагов мира все еще продолжает оставаться огромная пропагандистская машина, при помощи которой они пытаются опутывать народ сетями лжи. В настоящий момент эта машина используется для того, чтобы замолчать наш Конгресс действий в защиту мира, замолчать всемирное движение борьбы за мир.

Несмотря на это, английский народ демонстрирует свою волю к миру. Он превратит встречу друзей мира в Манчестере в подлинный Конгресс действий всего народа. Май 1953 года станет в Англии месяцем усиления борьбы за мир.

ЛОНДОН, 30 апреля. **(По телеграфу)**

**Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ,
М. СЛОБОДСКОЙ**

В парке

ГЛАВА
ИЗ ЮМОРИСТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ
«СТАКАН ВОДЫ»

Скульптор Баклажанский входил в парк с полной ясностью цели и незнанием средств.

Он твердо знал, что он хочет сказать Кате, но никак не мог решиться, в каком из уголков парка это удобнее всего сделать.

Дневная жизнь парка заканчивалась. Косые лучи заходящего солнца холодной позолотой ложились на бессменные таблички: «Не сорить!», «По газонам ходить воспрещается!», «Купаться в пруду категорически воспрещается!» и т. д.

К чести дирекции парка нужно отметить, что суровость этих аншлагов была смягчена их нежными колерами, подогнанными под цвет охраняемого объекта. Запрещение ходить по газонам было выдержано в яркозеленых тонах, а запрещение купаться в пруду — в нежноголубых.

По мере углубления в парк первоначальная решимость все более и более покидала Баклажанского.

Объяснение в любви вообще вещь трудная. Объясняться же в любви после того, как вами уже сделано предложение и даже получен отказ, трудно вдвойне.

Баклажанский твердо знал, что, в конечном счете, нужно сказать только одну простую фразу, состоящую всего из трех простых слов: «Я вас люблю». Но от этого ему было не легче. Он понимал, что не в состоянии будет просто так, без всякой подготовки произнести эту самую трудную на свете фразу. Необходимо создать предварительно подходящую обстановку, подготовить соответствующую атмосферу.

«В старину объяснялись на балу,— непривычно волнуясь, подумал Федор Павлович,— повидимому, танец придавал объясняющемуся необходимую легкость и непринужденность...»

— Пойдемте на танцплощадку, Катя,— решительно сказал он.

Катя, всегда любившая танцевать, охотно согласилась.

Перед открытой оркестровой раковиной, на площадке, уютно огороженной подстриженным зеленым кустарником, весело кружились пары.

Тут были и совсем молоденькие девочки, танцевавшие всегда друг с дружкой. Они кружились с таким рвением, что их тугие косички торчали все время в строго горизонтальном положении.

Тут были и несколько смущенные старички, старательно топтавшиеся на месте.

Посередине танцплощадки неистово крутил свою даму паренек в крохотной кепочке. Кепочка была, как нимб,— она держалась, почти не касаясь головы.

Баклажанский вывел Катю на середину, подчеркнуто целомудренно обнял ее и стал выжидать того такта музыки, на котором ему легче всего будет вступить.

Одна часть мелодии сменялась другой, он терпеливо ждал. Порой он виновато говорил: «Сейчас, сейчас», иногда несмело пробовал потопать то одной ногой, то другой, но с места не двигался. Каждый раз ему казалось, что момент для его вступления еще не настал. Наконец, махнув рукой на музыкальный такт, он бросился в танец, как бросаются в пропасть. Как раз в эту секунду музыка кончилась.

Все зааплодировали. Баклажанский совершенно непроизвольно поклонился, потом смутился, покраснел и тихо сказал Кате:

— Мне нужно сказать вам одну вещь...

Однако ожидаемая легкость так и не приходила. Снова заиграла музыка, и сказать ему так ничего и не удалось.

Дело в том, что танцевать Баклажанский не умел. Только боязнь объяснения толкнула его на это рискованное па.

Баклажанский попирал все законы ритма своими неуклюжими ногами.

Мало того, он ухитрялся наступать на ноги не только самому себе и своей даме, но и всем парам, которые неосторожно входили в зону его действия. Кого он не доставал ногой, того он, неожиданно для самого себя, подгребал далеко отставленной рукой и все-таки дотаптывал.

На извинения уходило все время. Нечего было и думать сказать Кате что-нибудь, не относящееся непосредственно к этому сокрушительному танцу.

Наконец, заметив с трудом сдерживаемую Катей улыбку, он пробормотал:

— Вам неудобно со мной?

— Нет, что вы! — с чисто женской деликатностью запротестовала Катя.— Просто у нас с вами немножко... разная манера танцевать. Может быть, лучше просто походим?

Баклажанский в последний раз наступил себе на ногу, нервно извинился, и они вышли.

Удобный момент для объяснения был безнадежно упущен, нужно было все начинать сначала.

Баклажанский потащил Катю в самую отдаленную часть Парка культуры и отдыха, туда, где кончалась культура и начинался отдых от нее.

— Там,— пробормотал он, несколько повторяясь, — мне обязательно надо будет сказать вам одну вещь.

Под деревьями, с прибитыми к ним плакатами «Портить древонасаждения воспрещается», стояли длинные садовые скамейки. К ним-то и стремился Баклажанский в надежде, что интимность обстановки придаст ему достаточно смелости для произнесения роковой фразы. Но найти место на скамейке, оказалось, не так-то легко. Наконец, им удалось найти скамью, на которой сидела всего одна пара. Их сосед и соседка оба были с портфелями. Он каждый раз начинал свои любовные притязания фразой: «Я ставлю вопрос так...» А когда она отвергала его признания, он жалобно возражал ей: «Зачем так ставить вопрос?»

Скульптор испуганно вскочил и, поспешно взяв Катю под руку, повлек ее дальше.

Катя звонко смеялась. Нет! Необходимо было сбить с нее это шутливое настроение, все время тормозившее его решимость. В этот момент Баклажанский увидел цветную фанерную указку с надписью: «На аттракционы!». Коварный мужской план мгновенно созрел в его голове:

— Закатаю! — решил он.— Нейтрализую ее бдительность и тогда признаюсь!

Катя охотно откликнулась на предложение развлечься, и они направились к городку аттракционов.

Аллею силомеров они миновали, ввиду невозможности подступиться. Силовые аттракционы были любимой бесплатной забавой парковых милиционеров, и для того, чтобы пробиться к силомерам, надо было обладать такой физической силой, которую уже не имело смысла мерить.

Но через минуту путь им преградил сверкающий металлом громадный развлекательный агрегат с рычащим мотором.

Баклажанский остановился перед ним, как загипнотизированный. Гондола аттракциона не только делала полную мертвую петлю, но при этом еще вращалась вокруг своей горизонтальной оси, проделывая фигуру, называемую летчиками «бочкой».

— Закружу!..— прошептал Баклажанский и сел в гондолу. Катя заняла место сзади.

Мотор взревел, и Баклажанского пошло мотать во всех трех измерениях. Люди, только что стоявшие вокруг загородки, вдруг повалились на бок, потом все вместе дружно встали на голову, увлекая за собой прилипший к их ногам ландшафт.

Ветер выл. В тон ему тихо стонал Баклажанский. Теперь уже со всех сторон на него сыпались дома, деревья, пруды с плавающими там лодками, и красные садовые дорожки с разбросанными по ним людьми...

Когда Баклажанского вынули из гондолы, на нем не было лица, галстука и документов, лежавших в боковом кармане. Документы и галстук, подобранные в траве, принесли моментально, а лицо, сравнительно нормальное лицо Баклажанского, появилось немного позже.

Баклажанский с полуобморочной непринужденностью проговорил: — Пойдемте, Катя!..— и взял под руку билетершу аттракциона.

— Катя...— жалобно продолжал он, отпустив билетершу,— у нас с вами разные вкусы... Это плохо?

— Это очень хорошо,— ласково сказала Катя.— Иначе нам было бы скучно друг с другом.

Катина фраза, да и сам тон, каким это было сказано, подействовали на скульптора, как животворный бальзам.

Он вскочил и, поспешно взяв Катю под руку, повлек ее дальше, в темную под светившей еще в полнакала луной, аллею.

Если бы в аллее было немножко посветлей, даже Баклажанский заметил бы, что Катя ласково улыбалась.

Она, конечно, давно уже понимала, в чем дело. И ей давно самой хотелось, чтобы Баклажанский сказал, наконец, то, что он собирался сказать.

И Катя с нетерпением ждала, когда же растерянный Баклажанский скажет то, что ей так не терпится услышать.

То есть она, конечно, еще не знает, что она ответит ему, но очень, очень хочет, чтобы он это сказал.

Между тем Баклажанский снова решил действовать. Танцы и робкий шопот на ухо он отмел, как полумеры.

Ему захотелось сделать для Кати что-нибудь не обычное и слегка старомодное, тем более, что тенистая аллея располагала к этому.

— Можно мне донести вас до скамейки на руках?! — набрав для храбрости воздуха, сказал Баклажанский.

— Можно! — улыбнулась Катя. Ей вдруг стало очень весело.

Наконец-то, все хорошо! Сейчас он донесет ее до скамейки, посадит ее и с ходу скажет все. Все три слова, которые нужно сказать.

Скамейки в парке были расположены весьма неравномерно. То их было слишком много, то их вовсе не было. Баклажанский шел с Катей на руках уже вторую стометровку, а скамейки все не попадалось. Начинало сказываться отсутствие тренировки в переноске тяжестей. Руки с непривычки затекли. Ноги уже слегка подкашивались. Какой худенькой казалась ему Катя вначале и какой тяжелой сейчас! Разумеется, мысль о возможности поставить ее на ноги в середине пути не могла притти ему в голову. Во всяком случае, он старательно отгонял ее. Наконец, он решил начать объяснение в походном положении.

— Катя...— срывающимся, натужным голосом сказал он... и в этот момент его окликнули.

Баклажанский обернулся и с ужасом увидел направляющегося к нему знакомого литературного критика. Встреча была настолько неожиданной, что Баклажанский растерялся, сразу не поставил Катю на землю и так остался с ней на руках.

Критик, подойдя и разглядев его ношу, тоже смутился.

— Здесь такая почва,— попытался скульптор подвести научную базу,— что нужно носить...

— Да, здесь сыро,— согласился критик.

— Вот именно, песок...— подтвердил Баклажанский.

Так они стояли друг против друга: Баклажанский с Катей на руках и критик, крайне смущенный тем, что по неосторожности нарушил их одиночество. Катя, кусая губы от смеха, косила глазом на смущенных мужчин, с любопытством ожидая, как они выйдут из создавшегося положения.

— Как делишки? Все лепите? — наконец, сказал критик только для того, чтобы что-нибудь сказать.

— Да вот... Все леплю,— ответил скульптор, чтобы что-нибудь ответить. — А вы все критикуете?

— А я все критикую,— отозвался собеседник.

После этого оба долго молчали, в поисках слов, которыми можно было бы деликатно закончить беседу. Когда томительность паузы стала уже невыносимой, Катя решила помочь бедняге Баклажанскому найти повод для того, чтобы опустить ее на землю.

— Может быть, вы все-таки представите мне своего приятеля? — из последних сил сдерживая желание расхохотаться, проговорила она.

— Да, да, конечно... — смущенно забормотал Федор Павлович,— знакомьтесь, пожалуйста...— и от растерянности он еще крепче прижал к себе Катю.

— Иванова,— прошептала Катя с рук скульптора.

— Кишкинази,— представился критик.— Очень приятно.

После этого запас фантазии у обоих мужчин иссяк, и они опять замолчали.

— Так вы, это самое, звоните...— промямлил, наконец, критик.

— Обязательно! — обрадовался Федор Павлович.

— Телефон мой есть у вас?

— Нет...— неосторожно произнес Федор Павлович и опять сорвал наладившееся было расставание.

— Позвольте карандашик, я вам запишу,— предложил обязательный критик.

Баклажанский попытался зубами достать карандаш из внутреннего кармана пиджака. Этот акробатический номер ему не удался. После второй попытки он вдруг автоматически протянул критику Катю и неожиданно для самого себя проговорил:

— Подержите, пожалуйста!

Кишкинази покорно приготовился принять Катю. Но она сама, наконец, соскочила на землю с рук Баклажанского и, улыбнувшись, подала ему самопишущую ручку. Федор Павлович посмотрел на ручку, на Катю, потом на критика и, внезапно осознав ситуацию, совсем смутился и быстро записал в свой блокнот свой же собственный телефон.

— Ну, так я пойду...— робко сказал критик.— Вы, стало быть, заходите...

— И вы не забывайте нас...— ответил Баклажанский.

Критик проворно нырнул в темноту, в кусты.

— Не судьба!..— вздохнул Баклажанский.

Он знал, что не скажет уже Кате: «Я люблю вас», и, значит, не оставит себе никакой надежды на будущее. Но ему хотелось совершить хоть какой-нибудь подвиг в честь любимой девушки, чтобы оставить в ее сердце хоть память об этой встрече.

Он готов был, по примеру героев старины, вскочить на коня, но у него не было коня, и слава богу, что не было, потому что ездить на нем Баклажанский все равно не умел. Он готов был, рискуя жизнью, защищать ее честь, но на ее честь никто не покушался.

— Катя,— внезапно сказал он,— хотите, я влезу на дерево? На самую макушку?

— Я не знаю...— растерянно проговорила Катя... Если так надо...

Но Баклажанский уже не слушал. Он лез. Катя снизу подавала ему методические советы. Но он карабкался вопреки всем правилам, пропуская сучки, цепляясь за одно самолюбие. Он лез бессистемно и безнадежно.

Кто знает, чем бы кончилось это вдохновенное карабканье, если бы его не прервал требовательный милицейский свисток. Скульптор свесился с ветки. Под ним стояла девушка-милиционер и держала руку у козырька. Несмотря на необычность мизансцены, она все же отдавала честь и одновременно придерживала фуражку.

— Гражданин, вы нарушаете! — строго сказала она.

— Нет, я не нарушаю! — возразил стелющийся по ветке скульптор.

— Значит, вы считаете, что вы выполняете? — спросила строгая девушка.

Для нее сейчас, когда она была на посту, все человеческие поступки делились на выполнения и нарушения обязательных постановлений.

— Зачем вы влезли?

— Я заблудился! — вдохновенно солгал Баклажанский.— Я высматриваю дорогу...

— Слезайте, я вас провожу.

— Что значит — слезайте? А как я слезу? — возмутился Баклажанский. — Лезьте вы сюда!

Скульптора сняли при помощи садовой стремянки...

Окончательно испорченный вечер завершился в отделении милиции. Усталый дежурный заканчивал длинный протокол «О лазании по древонасаждениям в неуказанных местах».

— Нарушитель,— обратился он к Баклажанскому, когда все данные о нем были уже записаны, — объясните: какие причины побудили вас к вскарабкиванью на ствол?

— Это очень трудно научно объяснить,— взволнованно защищался Баклажанский.— Вы понимаете, я в настоящее время люблю женщину...

— А почему она вас не остановила от влезания на дерево? — перебил его дежурный. — Она что — не присутствовала при этом?

— Нет, она присутствовала...— начал было Баклажанский и осекся. Роковое признание было произнесено!

— Свидетельница, что вы можете добавить? — обратился дежурный к Кате.

— Только то, что я тоже люблю нарушителя,— улыбнулась Катя.

Дежурный встал, аккуратно разорвал протокол, аккуратно смел клочки в корзину и, подойдя к двери, молча распахнул ее перед Баклажанским и Катей.

Его жест, быть может, означал только то, что ему некогда возиться с влюбленными, что с него хватает и других нарушителей спокойствия, но дверь, открытая им в парк перед Баклажанским и Катей, выглядела так, как будто это была дверь, широко распахнутая в их будущую общую жизнь...

ЦВЕТЫ МАЯ

Окно моей комнаты выходит на море. В этот весенний день я вижу рыбаков, бороздящих на своих лодках его прекрасные и свободные просторы, и мысли уносят меня с ними. Но сердце еще остается у вод, омывающих берега Кореи, где продолжает свирепствовать война.

Прошлую и позапрошлую весны я провел в Корее. Сейчас на ее холмах рододендроны в полном цвету. Мне всегда думалось, что эти прекрасные цветы — символ непреоборимой жизни. На горы Кореи рушатся американские снаряды и напалмовые бомбы, а рододендроны зацветают с каждой весной по всей корейской земле, словно неся правду о том, что нет такой силы, которая способна уничтожить жизнь, мир и свободу.

Мне припоминается беседа, которая завязалась в окопах между нашими бойцами, китайскими добровольцами, в час затишья на переднем крае.

—Были письма из дому?—спросил кто-то.

Бойцы из провинции Сычуань стали рассказывать о новой железной дороге Чэнду — Чунцин, которая проходит неподалеку от их домов. Затем заговорили об открытии новых залежей железной руды в долине реки Янцзы, о том, что на полях провинции Хэйлунцзян уже пашут тракторами и что скоро-скоро в каждый дом этого района будет проведено электричество. Тут один из бойцов, подняв руку, сказал:

— Прошу минутку внимания! Разрешите мне рассказать вам о письме от моей семьи, которая живет в долине реки Хуай. В прошлом мои родственники умирали с голоду, жили под открытым небом. Теперь же, как говорится в письме, они на своей земле собрали богатый урожай, какого никогда не видели. Один мой брат недавно влюбился и женился — как не порадоваться! Младший братишка пошел в школу, которой раньше в округе не было.

Простые слова. А сколько в них смысла.

А вот письмо крестьянки Лю Мэн-ин, написанное мужу на корейский фронт:

«Мой дорогой товарищ Чжен Гуй! Я выполнила твое заветное желание и вступила в ряды славной Коммунистической партии Китая. Все люди нашей деревни трудятся с огромным подъемом. У нас уже организован сельскохозяйственный кооператив, в котором я состою заместителем председателя. Уже сейчас наша жизнь много лучше, чем в прошлом, а это — только начало. Более радостные дни ждут нас впереди. Когда ты с победой вернешься домой, в нашей деревне, вероятно, уже будет колхоз, мечтой о котором живет все больше людей. Не жалею сил на учебу, ведь, кто знает, быть может, меня изберут председателем колхоза. К этому времени у нас уже будет электричество, обрабатывать землю станут новые машины, а не вол, как теперь... Возвращайся домой героем — встречу тебя далеко за околицей».

Таковы сыны и дочери Китая!

Я помню те дни, когда мы шагали сомкнутыми рядами навстречу жандармским штыкам реакционных правителей. И тогда мы любили петь:

«На полях у нас цветы мая...»

Сегодня мы полной грудью вдыхаем аромат майских цветов.

На плоскогорье далекого Тибета еще идет снег, а долины у подножья Гималайских гор уже согреты теплыми лучами весеннего солнца. Идет весенняя пахота.

Геологи, изучающие природные богатства своей родины, взбираются по склонам гор и прокладывают пути в недра земли.

В предмайские дни трудовой подъем на заводах и рудниках Китая достиг небывалых высот. Каждый день мы узнаем о новых производственных успехах.

Так мы встречаем праздник Мая. В этом году он особенно значителен для нас — это первый год нашей первой пятилетки.

ЛЮ БАЙ-ЮЙ,
китайский писатель

ПЕКИН, 30 апреля. (По телеграфу)

Закончен рабочий день. Здоровый и жизнерадостный малыш выбегает из банановой рощи, где разместился детский сад, навстречу матери — работнице государственного сельского хозяйства в местечке Ваньциньша, что в уезде Дунгуань, в провинции Гуандун. И вот маленький гражданин нового Китая уже на руках у матери...

Фото из журнала «Китай»

КУБА,
немецкий поэт

Знамёна

Солнцем разрезана
синь небосклона,
гордо над городом
реют знамена,

взгляд окрыляют наш,
будят усталых...
Площадь в знаменах,
в полотнищах алых!

В этом содружестве
флага и взгляда
воспламеняется
солнца громада,

чтобы безудержным
морем разлиться,
хлынуть к товарищам,
в страны-темницы,

чтобы поведать им,
как непреклонно
реют и плещутся
наши знамена!

Перевел с немецкого
Лев ГИНЗБУРГ

МОСТ ДРУЖБЫ

Мягкие лучи скользят по волнам, пока **еще матовым** и как бы неподвижным вдали **и угрожающе** высоким у лесистой полосы побережья. Раскрываются почки деревьев, трава поднялась, и от порозовевших на рассвете веток веет ароматом.

Болгарский город Сталин пробуждается. В утреннем свете четко обрисовываются контуры новых стройных зданий и высоких фабричных труб. Их так много, что невольно вспоминается порт с лесом мачт. В приморском парке шипит шланг поливальщика. Группа рабочих завтракает, сейчас они начнут пересаживать дерн на бордюры новых аллей.

Над портом расстилается дым. С приморского бульвара видны только трубы и стальные стрелы кранов. Шум на пристани смешивается с плеском волн, бьющихся о волнолом. Все время меняется окраска моря. Поднимается солнце. Вода блестит мелкой чешуей, становится зеленовато-синей, и на гребнях волн начинают свою игру белые барашки.

Бриз колышет флаги на мачтах. Недавно появившаяся на горизонте точка заметно приближается, и вот она превращается уже в большой светлосерый корабль. К причалу подходит пароход «Христо Смирненский». В иллюминаторах отсвечивают отраженные от волн солнечные лучи.

Весной дышит и каменная пристань. Краны с грохотом поднимают с палубы корабля зеленые гусеничные тракторы и ставят их рядами. В зеленое окрашены и автомашины «ЗИС», уже разгруженные с корабля «Карл Маркс».

***

На пристани большое оживление. Один за другим уходят отсюда поезда, груженные советскими машинами и товарами. Здесь корабли «Родина», «Болгария», «Карл Маркс», «Вапцаров» и «Христо Смирненский». Завтра на рассвете прибудет «Пушкин», а к двум часам — «Чиатура».

Девять лет тому назад обширный порт пустовал. Болгарские реакционные правители, служившие гитлеризму, погубили наш флот. На пристани было тихо. Ржавели краны, рельсы проросли травой и бурьяном. У причалов порой бороздила волны одинокая моторная лодка, дополняя унылую картину запустения. Оборванные грузчики ловили удочкой рыбу у заплесневевших стен волнолома.

Но вот ранним сентябрьским утром 1944 года пристань оживилась: народ встречал корабли с воинами Советской Армии-освободительницы. И в порту началась мирная жизнь. То и дело принимает он советские пароходы с грузами для новостроек Болгарии.

— Мы перебросили мост от Одессы до нашего порта,— шутят моряки. Но если сосчитать все прибывающие к нам корабли и вытянуть их один за другим в кильватерную колонну, шутка прозвучала бы серьезно.

...В морозный февральский день 1946 года в порту бросил якорь и первый красавец нашего возрождающегося флота — «Болгария». С тех пор наш флот получил немало кораблей, и вот уже даже волны Индийского океана узнали флаг свободной и счастливой Болгарии. Но болгарские суда везут не танки или пушки, они везут тракторы и станки.

Счастливыми возвращаются из Советского Союза наши моряки. Вот один из них привез из Одессы своей дочери куклу с закрывающимися глазами и детский велосипед, а еще — пакет с цветочными семенами. Чемоданчик другого моряка так туго был набит советскими книгами по машиностроению, что встретившие его на болгарском берегу друзья удивленно спросили:

— Уж не хочешь ли ты стать профессором?

— Почему бы и нет? В Советском Союзе практики — всегда желанные гости на университетских кафедрах. В следующий раз привезу еще. Наша библиотека нуждается в хороших книгах.

Из советских портов, из братской страны, приезжают к нам моряки с опытом Бурлакова — опытом удлинения службы корабельных механизмов,— и тысячи последователей его в нашей стране начинают задумываться:

—Как же он это делал?.. Вот так, затем так...— И передовой опыт торжествует и на болгарских морских берегах.

***

Над портом медленно опускаются сумерки. Светятся гирлянды электрических фонарей. Мигает маяк Галеты, и море упоительно поет свою могучую весеннюю песнь. Краны протягивают стальные стрелы: ночная смена выгружает из трюмов кораблей «Чиатура» и «Димитр Кондов» огромные ящики с советскими машинами. Напевая, молодежь расклеивает первомайские Призывы.

Мост между советской и болгарской землей нерушим. Он стоит на гранитных устоях — на глубокой благодарности нашего народа своему великому брату, освободителю и защитнику — Советскому Союзу.

Димитр ДОБРЕВСКИЙ,
болгарский писатель

г. СТАЛИН, 30 апреля. (По телефону)

Мадлен РИФФО

ЛЮБОВЬ

Анри Мартэн и его жена Симона Мартэн

Снимок из французского журнала «Регар»

Я пишу о любви, об одной молодой девушке, которая каждый день и во всякое время года встает с зарей. Маленький городок еще спит, когда на рассвете Симона проезжает по его улицам на велосипеде. Проехав несколько километров, она пересаживается в автобус, который доставляет ее на текстильную фабрику, расположенную за двадцать километров отсюда, в Иссудёне как раз к началу тяжелого рабочего дня. Вечером Симона должна вновь проделать свой путь в автобусе, а затем на велосипеде. Домой она возвращается уже темной ночью. И так каждый день в течение многих месяцев.

Ночью в субботу или в воскресенье, вместо того, чтобы отдыхать, Симона снова в пути — она торопится в лагерь Мелёна, заключенным которого разрешается повидаться со своими семьями через двойные железные решетки. Ей нужно поспеть в Париж или какой-нибудь другой город, где ей предстоит выступить на митинге, призывая к борьбе за мир, за национальную независимость. А на следующее утро, в пять часов, для Симоны начинается новая неделя труда. Вот уже три года так проводит свое время Симона Мартэн, молодая двадцатишестилетняя работница со смелыми блестящими глазами. Франция — это ее страна. Ее родное селение Розьер лежит в центре Франции. Равнины, пересеченные долинами, по которым текут журчащие реки,— такова картина этой местности, ласкающей глаз. Люди, живущие здесь, любят повторять: «Жатва и сенокос нуждаются в мире больше, чем в солнце». Эта прекрасная земля была несколько раз опустошена и оккупирована врагом. На этой земле, где люди могли бы жить счастливо, Симона и Анри встретились однажды вечером на народном празднике. Сверкали огни иллюминации, звучал аккордеон. И они поняли, что полюбят друг друга.

Анри Мартэн участвовал в движении Сопротивления, сражался в партизанских отрядах. В семнадцать лет у него уже было боевое прошлое. Он боролся с оружием в руках, чтобы освободить Францию от немецко-фашистских оккупантов. Она же знала только одно, что восхищается им и рядом с ним чувствует себя счастливой.

Потом Анри поступил во флот, чтобы сражаться с японскими фашистами, и она обещала, что будет писать ему письма. Так началась их любовь. И когда они прощались друг с другом, ни молодой моряк, ни девушка-католичка, не ведавшая тогда еще коварства политиканов, не подозревали, что драма всенародного значения потрясет их жизнь.

Кто не знает истории Анри Мартэна, отказавшегося участвовать в грязной войне во Вьетнаме и призывавшего к всеобщей борьбе против этой войны? С каким непреклонным героизмом держался он перед судьями, как говорил он им в лицо правду о преступной войне против вьетнамского народа, в которой французские солдаты проливают свою кровь за чуждые им интересы? Кто не знает всего этого? Наш дорогой товарищ Ив Фарж говорил: «Анри Мартэн является воплощением миролюбия и чести Франции. Благодаря ему наш народ пользуется огромной и искренней дружбой народов мира».

Вот уже три года тысячи мужчин и женщин нашей страны, придерживающихся различных политических взглядов и вероисповеданий, ведут кампанию за его освобождение. Имя его можно видеть на стенах домов и на мостовых наших городов. Под самым носом у полицейских взлетают в небо плакаты с его именем, привязанные к синим, белым и красным воздушным шарам. Поезда, на которых белой краской выведено имя Анри Мартэна, пересекают поля нашей страны. Для французского народа Анри Мартэн, сын рабочего-металлурга, воспитанный в духе великих боевых традиций нашего рабочего класса, является символом борьбы против войны. И народ с жаром и упорством защищает его. Наши дети грезят им. Анри так прочно вошел в сердца французов, что однажды я слышала на рынке, как старая женщина, взяв своей морщинистой рукой за подбородок маленького мальчика, сказала его матери: «Как хорош ваш ребенок, мадам. У него глаза совсем, как у Анри Мартэна».

Но я хотела рассказать вам не об Анри, а о Симоне, его жене, совсем молодой женщине, которая на наших глазах изменилась и выросла, участвуя в борьбе нашего народа. Как она изменилась со времени тулонского процесса *, эта робкая девушка, ничего не знавшая, кроме своей любви, потрясенная, встревоженная, с юным лицом, орошенным слезами, как ветка под дождем! Она поняла тогда: ее жениха арестовали за то, что он так сильно любит свободу и хочет свободы для всех народов.

Состоявшаяся еще до суда первомайская демонстрация в Париже явилась крупным событием в жизни Симоны. Согласившись участвовать в ней лишь для того, чтобы заменить Анри, она была поражена, увидев впервые такую массу народа и услышав скандируемые тысячами голосов лозунги и слова, которые до сих пор она слышала только из уст Анри. Какой силой обладает ее народ! Симона была потрясена этим. Позднее, на тулонском процессе, она еще яснее поняла, что она и Анри не одиноки. Ее согревало пламя рабочей солидарности, которое с каждым днем все больше разгоралось вокруг нее.

По возвращении на фабрику, где она трудилась, получая мизерную плату, Симона присоединилась к тем, кто защищал права трудящихся. Она вступила в профсоюз, в молодежную организацию, в организацию сторонников мира. С удивительной ясностью осознавала она все происходящее. На брестском процессе она уже была новым человеком, решив действовать, чтобы защищать вместе с теми, кого она любит, поставленный под угрозу мир и поруганную Францию.

Кто из нас сможет забыть выражение лиц Симоны и отца Анри Мартэна, обращенных к судьям, которые с каменными сердцами, запертыми на двойной замок, оставались безразличными к гордым словам молодого героя! Когда был произнесен приговор, Симона покраснела, слезы набежали на ее глаза, выражавшие отчаяние. Но достаточно было сказать ей: «Не показывай им свое горе. Подумай, что сейчас ты увидишь Анри. Будь достойна его»,— как тотчас же слезы перестали капать. И быстро-быстро уголком своего маленького платка она вытерла следы слез, и на ее лице появилась улыбка, которая вдруг стала так похожа на улыбку Анри.

Совсем простая девушка, мечтавшая только о любви и детях, приехавшая из селения, затерянного среди полей, Симона стала мужественным борцом за мир. Мне кажется, что эта дочь рабочего, ради того, чтобы спасти свою любовь, пошла просить помощи у других людей, вначале руководствуясь только инстинктом. Робко, со слезами в голосе, она находила трогательные и правдивые слова, чтобы заклеймить тех, кто отказывался вынести оправдательный приговор ее жениху. Затем Симона решила стать еще более достойной того, кого мы называем «моряком свободы», с кем она с гордостью обвенчалась, когда он уже был в каторжной тюрьме. Симона попыталась взять в свои руки знамя, которое тюрьма вырвала у Анри.

Ее любовь к Анри Мартэну слилась с любовью к Франции. Ее голос стал более уверенным. Рассказывая об Анри, Симона говорила об оскорблении, нанесенном Франции: участники движения Сопротивления томятся за решеткой, а двери тюрем раскрываются для того, чтобы выпустить палачей Орадура, которых хотят включить в «европейскую армию». Она говорила об опасности, которую представляет для мира во всем мире «грязная война» французских империалистов во Вьетнаме. Она призывала французов, придерживающихся различных политических взглядов, сплотиться вокруг рабочего класса, чтобы поднять знамя национальной независимости и демократических свобод, выброшенное буржуазией за борт.

Сотни раз, вместе с коммунистами, вместе со священниками, писателями — сторонниками мира, придерживающимися самых различных политических взглядов, Симона выступала перед горняками, докерами, у заводских ворот, возле школ. Повсюду ее встречают цветами, аплодисментами, улыбками и горящими взорами, полными восхищения. Симона принимала активное участие в работе по подготовке к Конгрессу народов в защиту мира, так как, по ее словам, «она хорошо знала, что она может спасти свою любовь, только борясь вместе со всеми народами земли за счастье всех влюбленных, за счастье всех детей мира».

Такова история Симоны, молодой французской работницы, такова история ее любви.

ПАРИЖ, апрель.

* В октябре 1950 года Военно-морской трибунал Тулона приговорил Анри Мартэна к 5 годам каторжной тюрьмы. Под влиянием массовых протестов общественности, в июле 1951 года «дело» Анри Мартэна пересматривалось в Военно-морском трибунале Бреста, и он был вторично приговорен к тюремному заключению.

«Положить конец колониальному гнету!»

Рисунок из американской прогрессивной газеты «Фридом»

Где-то на острове Лусон...

Заключительные страницы этой книги [1] пишутся в крохотной тростниковой хижине, прилепившейся к склону горы где-то над центральной долиной острова Лусон. Хижина была выстроена наспех, в качестве временного убежища, и, вероятно, очень скоро ее придется покинуть, может быть, сегодня, может быть, через час. Может быть, не успею я дописать строку, как прозвучит сигнал тревоги. Враг недалеко.

В хижине нет никакой мебели. Я пишу, примостив свой блокнот на коленях. Приходится все время сидеть согнувшись, иначе рискуешь упереться головой в низкую крышу. Солнечные лучи пронизывают переплет ветвей над хижиной, и сквозь щели в тростнике на страницу блокнота падают светлые блики. В лесу тихо. Слышно, как ниже по склону журчит среди камней ручеек, из которого мы берем воду для питья. Где-то высоко в ветвях, нежась на солнышке, кричит птица туко. Неумолчно стрекочут цикады. Звуки мирной, спокойной жизни.

Но это спокойствие обманчиво. Каждую минуту могут загрохотать выстрелы.

Если улечься вплотную друг к другу, то в хижине можно спать впятером. Внизу она со всех сторон открыта, и это позволяет, в случае надобности, мгновенно выкатиться наружу. Густые деревья мешают разглядеть хижину с воздуха. Перед входом сушится выстиранное белье, но, заслышав шум самолета, мы его сейчас же убираем. Стряпней — когда есть что стряпать — приходится заниматься или на рассвете или вечером, после того, как стемнеет, чтобы дым от костра не выдал нас.

Шагах в десяти, почти незаметные в тени деревьев, прячутся другие такие же хижины. Там спят солдаты, целая рота бойцов Хукбонга. У них нет военного обмундирования, они оборваны и босы. Они непохожи на армию, и все-таки это — армия. Здесь находится полевой штаб Народной армии освобождения.

И вот я сижу в этом тесном, пустом, незатейливом приюте и дописываю рассказ о своей жизни, которую в любую минуту могут беспощадно оборвать, ворвавшись сюда, вооруженные наемники тирании. Окруженный со всех сторон смертью, я пишу о жизни. И это знаменательно, потому что речь идет для меня прежде всего не о моей личной жизни, но о жизни движения, к которому я принадлежу, и о народном деле, которому это движение служит. Смерть не так уж важна. Гораздо важнее рождение того нового, во имя чего мы ведем борьбу.

Писать эту книгу я стал по настоянию товарищей. «Напиши о себе»,— говорили они. Проглядывая уже написанные страницы, я вижу, что в них больше говорится о нашей борьбе, чем обо мне. И это правильно, конечно. Народное движение складывается из многих, очень многих жизней, и моя жизнь, о которой рассказано здесь, составляет лишь частицу народной борьбы. В главном, основном своем значении эта книга вовсе не автобиография; это глава из биографии филиппинского народа.

***

Вооруженный боец, засевший в лесной хижине с земляным полом, не представляет собой в наше время чего-то случайного, исключительного. Это обычное явление во Вьетнаме, в Индонезии, в Малайе, в Бирме, везде, где угнетенные народы Азии поднялись на борьбу. Всюду те же люди и те же судьбы, но из них выделяется замечательная судьба китайского народа, который вышел из лесных хижин, покинул убежища в горах и пришел хозяином в города и селенья.

На шестах, поддерживающих крышу хижины, висит все мое имущество: тощий вещевой мешок и карабин. Мои товарищи обременены пожитками не больше меня. Впрочем, у нас есть еще кое-что: любовь и дружба тысяч таких же, как мы, прячущихся в тысячах лесных хижин, разбросанных по стране, любовь и дружба народных масс, возложивших на нас все свои надежды. Этого достаточно, чтобы поддержать в человеке силу и дух — до бесконечности, если понадобится.

С нами, кроме того, нетленная память обо всех павших в этой борьбе; они не увидят окончательной победы, но все равно, это будет их победа тоже...

***

Наши друзья в Маниле обычно говорят, что мы находимся «за чертой». Это неправильное выражение. Хотя из восьми последних лет семь я прожил так, как живу сейчас, — в лесах, в горах, на болотах; хотя за мою голову назначена награда в 100.000 песо, но никогда я себя не чувствовал «за чертой». Напротив, мы все время «в черте», в самом сердце народной жизни. Мы в центре борьбы. А кто сегодня участвует в борьбе, участвует в народном движении, тот находится в центре решающих событий нашего времени. Почетная и завидная роль!

Конечно, мы живем не обычной жизнью. Партизанский быт имеет свои особенности. Например, бойцы, размещающиеся в хижинах, спят днем — в ночное время они совершают переходы. Яркому солнечному дню они предпочитают мрак безлунной ночи, потому что в такую ночь им легче оставаться незамеченными. Ночью долина у подножия гор меняет свой облик: днем это угнетенный край, где распоряжаются военные патрули и чины гражданской гвардии, ночью — освобожденный район, жители которого с распростертыми объятиями встречают наших бойцов.

Но когда взойдет солнце нашей победы,— а это будет скоро,—тогда и день будет принадлежать нам.

Насчет погоды у партизан тоже особые вкусы: больше всего они любят, когда идет дождь, потому что земля тогда становится скользкой и вязкой. Гусеницы танков и броневиков врага увязают в топкой грязи, как и сапоги патрульных, и бойцы Хукбонга могут беспрепятственно итти вперед даже среди белого дня. «Наша погода!» — говорим мы, видя, что дождь зарядил надолго, и спешно составляем план передвижения частей.

Но мы знаем: наступит день, когда дожди будут лишь напоминать нам о подготовке к севу и радовать надеждой на хороший урожай.

Внизу, у подножия горы, расстилается Центральный Лусон; чуть-чуть повернув голову, я вижу его сквозь листву деревьев. По освещенной солнцем долине скользят полосами тени облаков; прячутся в зелени деревни, зажатые со всех сторон рисовыми полями. Их много, этих деревень, но мне все они знакомы, я побывал в каждой из них и знаю людей, которые там живут. Переходя взглядом от деревни к деревне, я вспоминаю весь свой жизненный путь.

***

В период «амнистии» 1948 года [2] я выступил в печати с заявлением, в котором открыто признал себя коммунистом. Рабочие и крестьяне приняли это сообщение так, как нужно. Но нашлись, конечно, личности, которые «забили тревогу». Послышались вопли, что крестьянское движение подпало под власть чуждой идеологии, что я действую по указке коммунистов Советского Союза. Жаль, что тех, кто утверждал это, нет сейчас здесь, рядом со мною; я точно показал бы им все те места, где я учился логике борьбы, убеждался в разумной справедливости требований, выставляемых Коммунистической партией Филиппин.

Я мог бы показать им поля, на которых мне пришлось работать, места, где полиция расстреливала бастующих батраков, обширные поместья землевладельцев. Я мог бы назвать им любую деревню на выбор и рассказать, как живут в ней крестьяне, сколько у них земли, много ли среди них грамотных и каковы их надежды на лучшую жизнь [3]. Я мог бы указать им также деревни, где прежде крестьян сгоняли с земли помещики, а теперь расстреливают военные патрули. Я мог бы привлечь их взгляды к Кларк Филду, где целый район отдан на 99 лет во владение американской армии. Я доказал бы им, что для правителей, власть которых основана на эксплуатации народа, любая идеология, направленная к облегчению народной жизни, является чуждой.

Коммунисты есть повсюду,— и там, где идет борьба с эксплуатацией, и там, где с нею покончено навсегда, где народ под руководством коммунистической партии пришел к власти. Фермер-арендатор в Центральном Лусоне ничем не отличается от фермера-арендатора во Вьетнаме, в Индии, в штате Миссисипи, от крестьянина царской России или старого Китая. Все они одинаковые жертвы эксплуатации. Что же удивительного, если в поисках пути к освобождению от эксплуатации все они приходят к одному и тому же? Миллионер-империалист с Уолл-стрита — родной брат Чан Кай-ши или какого-нибудь миллионера-плантатора из Малайи. Они действуют заодно и исповедуют одну веру. И точно так же интересы народа во всех странах одинаковы и борцы за эти интересы — коммунисты одного народа похожи на коммунистов другого народа. Меня сделало коммунистом не то, что произошло в России; меня сделало им то, что произошло и все еще происходит на Филиппинах.

Крестьяне, живущие в деревнях, которые виднеются внизу, — филиппинцы,но труд роднит их с французскими крестьянами и с заводскими рабочими США. Нашу борьбу не отделить от общей борьбы. Освобождение филиппинского народа от американских империалистов будет шагом вперед в деле раскрепощения американских рабочих, так же, как победа китайских рабочих над иностранными империалистами и своими, китайскими феодалами, явилась великим торжеством для филиппинских крестьян и грозным предупреждением для их поработителей.

Сидя в маленькой хижине на склоне горы, откуда видна вскормившая меня земля, земля моего народа, я дописываю эту книгу, которая в большей степени является повестью о делах и днях народа, чем о моих собственных. Борьба, о которой я рассказал и в которой по мере сил принимал участие, еще не окончена, но мы доведем ее до конца — до победного конца.

Наша история знает немало людей, которые, как и я, уходили в леса и горы, чтобы оттуда бороться за свободу. Диего Силанг, Хуан де ла Крус Паларис, Аполинарио де ла Крус, Франциско Манхио, дель Пилар и Мальвар — вот славные имена борцов за свободные Филиппины. Их незавершенная борьба получит завершение в нашей борьбе.

Солнце заходит. В хижинах просыпаются бойцы. Пора итти. Жители деревень ожидают нас.

Нужно приниматься за дело, потому что дела впереди много.

Луис ТАРУК

[1] Луис Тарук — вождь филиппинской Народно-освободительной армии (Хукбонг Мапагпалайянг Байян, сокращенно Хукбонг). Мы публикуем заключительную главу из его книги «Рожденный народом», выходящей в издательстве «Интернешнл Паблишерс». Книга Луиса Тарука еще раз убедительно свидетельствует о том, какие глубокие корни имеет национально-освободительное движение в колониальных и полуколониальных странах.

[2] Не добившись ничего террористическими и карательными мерами против Хукбонга, президент Кирино пытался в феврале 1948 года начать переговоры с Таруком, который в ответ на предложение главы правительства предпринял поездку в Манилу. Тарук сумел своевременно обнаружить, что предполагавшиеся переговоры были не чем иным, как заранее подготовленной ловушкой для участников народно-освободительного движения. (Ред.).

[3] На Филиппинах, население которых составляет около 20 миллионов, число безземельных крестьян в деревнях и безработных в городах вместе с их семьями достигает шести миллионов человек. (Ред.).

Главный редактор К. СИМОНОВ.

Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Н. ГРИБАЧЕВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ, А. КРИВИЦКИЙ, Л. ЛЕОНОВ, Н. ПОГОДИН.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, К 4-01-88, внутренней жизни — К 4-08-89, К 4-72-88, международной жизни — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва, Цветной бульвар, 30

Б00840.